

16+

Роксана Геден

Дыхание земли

Сюзанна-8

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Роксана Гедеон
Дыхание земли

«ЛитРес: Самиздат»

1993

Роксана Гедеон

Дыхание земли / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат», 1993 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»)

1795 год. Сюзанне, принцессе де Ла Тремуйль, чудом удалось спастись от гильотины и вырваться из тюрьмы. Без гроша в кармане и с тремя маленькими детьми на руках она возвращается из Парижа в Бретань, чтобы наладить мирную жизнь и восстановить разрушенный замок - единственное ее жилище. Впрочем, все ее усилия терпят крах: солдаты революции снова сжигают поместье, республиканские чиновники облагают земли Сюзанны непомерным налогом. Давний возлюбленный, принц крови граф д'Артуа, протягивает ей руку помощи и убеждает переехать в Англию. Одновременно в ее судьбу вмешивается другой мужчина - герцог Александр дю Шатлэ. Он предлагает ей брак по расчету. Сюзанна соглашается, не подозревая, какой обман таит это предложение... Восьмая книга историко-любовного цикла "Сюзанна". На обложке картина «Очаровывающий взгляд» Эдмунда Блэра Лейтона (1852-1922).

© Роксана Гедеон, 1993

© ЛитРес: Самиздат, 1993

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
3	15
4	17
5	19
6	21
7	24
8	27
9	29
10	32
11	34
12	38
13	42
Глава вторая	44
1	44
2	48
3	50
4	51
5	55
6	60
7	66
8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роксана Геден

Дыхание земли

Глава первая

Мельница, печь и картофель

1

Холмы, возникшие вдали, были не очень высоки, но казалось, им нет конца. Плавные извилистые контуры с чередованием голубых и серых тонов уходили в бесконечность и где-то далеко-далеко сливались с массой кудрявых облаков. Смеркалось, и на западе холмы исчезали во мраке. Долину, раскинувшуюся у самого их подножия, окутывала темнота, пронизанная серебристым светом.

Вдали, на горизонте, очень прямо высились две огромные сосны со стройными светло-рыжими стволами. Черные пятна болот, скованных зимним холодом, темнели вдоль дороги.

Дорога шла по песку, густо усеянному сосновыми иглами. Было слышно, как фыркают лошади, запряженные в дилижанс.

– Остановите здесь, – сказала я решительно.

Передав девочек Маргарите, я спрыгнула первая, тщательно отсчитала извозчику деньги – ровно по двенадцать су за лье, монета в монету, без всяких чаевых.

– Почему мы вышли здесь? – осведомился Жанно. – Еще далеко до Сент-Элуа, я помню.

– Не так уж далеко, всего четверть лье, мой мальчик.

Дилижанс двинулся, продолжая свой путь в Лориан, и оставил все наше многочисленное семейство на дороге. Я взяла у Маргариты Веронику, приказала детям взять вещи и пошла вперед, ничуть не заботясь о том, что предстоит по кочкам перейти через болото.

Почему я сошла так рано? Вероятно, потому, что хотела прийти домой пешком. Что-то основополагающее таилось для меня в этом ритуале. Пройти своими ногами, а вовсе не проехать по давно знакомым тропам, почувствовать всем телом дыхание бретонской земли.

Да. Дыхание земли. Оно вернет мне силы, покой и счастье.

Вот почему я так упрямо, самозабвенно, с каким-то странным наслаждением шла вперед, твердо и уверенно ступая по кочкам, глядя только перед собой, жадно, полной грудью вдыхая свежий лесной воздух, в котором витало неисчислимое количество ароматов – запах сосновой смолы, прелых листьев, мокрой хвои, даже запах ожидающегося дождя...

Вероника у меня на руках молчала, а Изабелла, которую несла Маргарита, заныла и заплакала.

– Дай мне ее, – сказала я.

Поменявшись детьми с Маргаритой, я достала из складок своей широкой юбки бутылочку с сахарной водой, нагретую теплом моего тела, на ходу приложила ко рту малышки и, поддерживая ее головку, стала поить. Изабелла была мужественной «походной» девочкой и прекрасно понимала трудности обстановки: не прошло и двух секунд, как она успокоилась и замокала с явным наслаждением.

– Вечно они ноют, ноют, эти девчонки! – проворчал Жанно. – Вот уж терпеть их не могу! Я обернулась, пристально взглянула на сына.

– Ну-ка, милостивый государь, сможете ли вы повторить то, что я только что слышала? Жанно понуро молчал. Выждав мгновение, я поняла, что он ничего не повторит.

– Правильно, – сказала я. – Ибо когда принц говорит так о сестрах, он явно заслуживает пощечины.

Мы спускались с холма в долину, и посреди нее я уже видела такие знакомые мне руины древних полуснесенных укреплений, поросших фруктовыми деревьями. Летом здесь гнездились малиновки. Теперь деревья казались голыми и крючковатыми.

– Мы почти дома, – проговорила Маргарита тихо.

Если бы это был тот, прежний дом! Прежний жил теперь только в моей памяти, но, надо признать, жил очень ясно и отчетливо, – так что, подумала я с усмешкой, если у меня когда-нибудь будет возможность, я, пожалуй, смогу отстроить его почти в точности.

Еще минута – и я увидела его. Почему-то до сих пор в душе жила то ли надежда, то ли воспоминание о чудесном замке, мягко белеющем в живописной долине и освещенном золотистым лунным светом. Таким я увидела Сент-Элуа в тот вечер, когда виконт де Крессэ привез меня сюда на своей лошади. Теперь – подумать только – не было ничего: ни того времени, ни тех обычаев, ни моей юности, ни спокойствия. Надо ли удивляться, что нет и Сент-Элуа.

– Быстрее, – сказала я решительно.

Отбросив раздумья и сожаления, я поспешила вниз и очень быстро оказалась в нескольких шагах от башни. Здесь по-прежнему темнели руины некогда белоснежной стены. Парк был выжжен, я видела силуэты лишь какого-то жалкого десятка деревьев. В башне был свет – мерцающий, слабый, однако он доказывал, что там кто-то есть.

Я ступила еще шаг и застыла на месте от ужаса, оглушенная собачьим лаем. Я отпрянула, различив во мраке черную массу шерсти и страшный оскал зубов, не зная даже, на цепи ли этот свирепый пес. Да и откуда он тут взялся?

– Ах ты боже мой! – вскричала Маргарита.

Изабелла у меня на руках проснулась, заплакала. У меня самой зуб на зуб не попадал. Вот так возвращение в родной дом! Вне себя от возмущения я пробормотала сквозь зубы проклятие.

– Он привязан, успокойтесь! Он может только лаять, – сказала я громко и внятно, чтобы успокоить испуганных детей.

Пес рычал и лаял с каким-то страшным подвыванием. Мы не двигались с места. Я не представляла себе, что делать. В этот миг низкая дверь башни распахнулась. На пороге появился высокий могучий мужчина – телосложение его было прямо-таки исполинское – с фонарем в руке.

– Убирайтесь прочь! – прокричал он на бретонском наречии. – Это дом принца де Ла Тремуйля, он неприкосновенен!

– Ах вот как?! – вскричала я, услышав подобное заявление. – Уйми сейчас же свою собаку, иначе тебе будет худо!

Я сама не знала, почему так расхрабрилась. Может быть, отчаяние придало мне сил. Мужчина ступил шаг вперед.

– Уж не ты ли это, Франсина? – проговорил он изменившимся голосом.

– Никакая я не Франсина. Я хозяйка этого замка, и я требую, чтобы меня немедленно выпустили в дом!

Мысленно я уже сто раз чертыхнулась. Конечно, этого следовало ожидать. Меня так долго не было, что здесь неминуемо должен был поселиться кто-то чужой. Этого здоровяка я впервые видела.

– Принц де Ла Тремуйль мой дед! – тонким голосом прокричал Жанно из-за моей спины. – А граф д'Артуа мой папа!

Он не мог удержаться от соблазна чуть-чуть прихвастнуть.

– Ну, это мы еще увидим, – сказал мужчина. – А на всякий случай, если вы уж действительно наша сеньора, знайте, что я – Селестэн Моан, внук вашей экономки Жильды, которая служила еще его сиятельству.

Он прикрикнул на пса, и я быстро и беспрепятственно прошла с Изабеллой на руках к двери. За мной пошли и все мои подопечные.

– Это я потому сказал вам убираться, – проговорил Селестэн, – что в округе очень много попрошаек развелось. Шуанам есть надо, вот они и приходят в каждый дом забирать чего-нибудь. Ну а как скажешь им, что это дом принца, так они тебя и не тронут.

Я переступила порог, чувствуя, как щемит сердце. Все здесь было мне знакомо... И в то же время непривычно.

На каменном холодном полу были разбросаны пучки соломы, и где-то в углу копошились куры, видимо, пришедшие сюда погреться. Женщина сидела, сгорбившись у очага, – старая, дряхлая, совершенно седая, в сабо на босу ногу, в потертой бретонской шали, в опавшем сером чепце, покрывающем голову. Я узнала Жильду.

Она взглянула на меня и, вздрогнув, потянулась за палкой, чтобы подняться.

– Ваше сиятельство! – проговорила она по-бретонски. – Мадемуазель Сюзанна!

Я грустно улыбнулась, услышав такое обращение. Для старой семидесятипятилетней Жильды я все так же оставалась «мадемуазель Сюзанной».

– Сидите, Жильда, ради бога, сидите. Я только попрошу вас подвинуться, мне хочется положить поближе к огню малышей.

Я говорила это, в душе зная, что совершенно напрасно просить Жильду оставаться сидеть. Таковы уж были эти бретонцы: не в их правилах было встречать сеньора или сеньору сидя.

– Ведь вы нас даже не предупредили, мадемуазель Сюзанна! Уж мы бы постарались встретить вас у остановки дилижанса, – проговорила Жильда, поднявшись и тяжело опираясь на палку. – Эй, Жак! Хватит тебе лежать, хозяйка приехала!

Я подошла к Жаку – старому, седому как лунь и сгорбленному; он был посмелее Жильды и решился обнять меня.

– Похоже, вы привезли нам двух новых маленьких принцесс, мадам?

– Да, Жак, именно так. Жаль только, что у этих принцесс нет того, что было у меня.

– Это дело наживное, мадам. Все еще изменится.

Маргарита молча хлопотала над малышами. Взгляды постоянных хранителей этой башни прикованы к ним, но никто не решался задать мне вопрос, откуда они взялись.

«Как вышколил их отец, – подумала я невольно. – Ведь каждый думает об этом, но никто не спрашивает, зная, что это не их ума дело».

Казалось, что очаг горит слишком слабо и что следует немедленно разыскать еще хвороста. В это мгновенье дверь распахнулась, и Селестэн Моан, словно предвосхищая мое желание, внес в башню целую охапку дров. «Он сообразителен, – подумала я. – Пожалуй, не стоит на него сердиться, он мне еще пригодится». Я знала, как нужны будут в Сент-Элуа мужские руки – здесь, где из мужчин есть только маленькие мальчики, лентяй Брике и старый дряхлый Жак, который хорошо разбирался лишь в своем кучерском ремесле.

– Мама, мама, смотри: наша Стрела еще здесь! – воскликнул Жанно.

Я только сейчас заметила: в правом углу башни была устроена конюшня с приделанной снаружи решеткой для сена и рига с дощатыми переборками. Здесь были свалены сельскохозяйственные орудия, сюда же Селестэн сбросил дрова.

– Да, Жанно, – прошептала я, – ты прав...

В стойле была Стрела – белая, стройная, но уже старая лошадь, свидетельница стольких моих авантур. Каким образом она осталась жива? Жанно обожал ее. Он обхватил ее тонкими руками за шею, прижался щекой к серебристо-белой гриве.

– Какая чудесная лошадь, мама! Ты научишь меня ездить верхом?

Я думала о другом. Какое счастье, что есть лошадь! На ней можно пахать, на ней можно возить дрова из леса и воду... Все на свете можно сделать, имея лошадь!

– Она слепнет, мадам, – произнес Селестэн.

– Слепнет? – переспросила я.

Словно иглой меня кольнуло в сердце. Стрела, какая бедняжка! На миг мне показалось кощунством, что я собираюсь использовать эту лошадь для пахоты или чего-то подобного. Она стоила еще девять лет назад пятнадцать тысяч ливров, она – ирландских кровей, она королевская лошадь и создана для прогулок, скачек, охоты. Но я в ту же секунду поняла, что все это пустые сентиментальные бредни. Мне надо выжить. Сейчас только это имеет значение.

– Ничего, – сказала я жестко. – Ничего, что она слепнет, она все равно может работать.

Тихо всхлипнула Вероника, но Аврора была тут как тут с бутылочкой и рожком. Это было как раз то время, когда девочек надо кормить. «Авроре уже тринадцатый год, – подумала я. – Она должна стать мне помощницей. Завтра я надену на себя это ярмо – дом, хозяйство. Авроре придется взять на себя девочек. Мне некогда будет возиться с ними».

– Мадам, я хочу есть! – сказал Шарло.

– И я, – подхватил Жанно. – Я хочу пончиков.

– Милый, у нас нет пончиков, и ты это прекрасно знаешь.

Не ожидая ничьей помощи, я пересмотрела все запасы обитателей Сент-Элуа. У них было несколько мерок чечевицы, пять фунтов гречишной муки, мешок лука и видимо-невидимо сушеных винных ягод.

Жильда ковыляла за мной, словно пыталась оправдаться.

– Видит Бог, мы не виноваты, мадемуазель Сюзанна. Мы думали, этого хватит до конца месяца.

– Этого не хватит и до конца недели, – отрезала я.

Нас было одиннадцать человек, одиннадцать ртов. Что значили эти жалкие мерки чечевицы для стольких голодных желудков?

Маргарита поставила на огонь чечевичную похлебку – ее должно было хватить нам и на завтра. А потом? У нас есть лошадь, это правда. Но до весны еще очень далеко. Как нам прожить январь?

– Мама, я хочу куриную ножку и риса с подливкой, – чуть не плача попросил Жанно. – В приюте нам тоже давали одну чечевицу, меня от нее уже тошнит!

Ну что мне было ответить на это? Разве что опустить руки... сесть рядом с сыном и заплакать.

– Жанно, сокровище мое, мы...

– Знаю, мы бедные! Ну и что ж? Я все равно хочу есть!

Какие-то нотки в его голосе мне не понравились. Конечно, он еще совсем ребенок, и он правда голоден. Но он мужчина! Он не должен утяжелять мне жизнь.

– Возьми себя в руки, Жан, – сказала я сухо. – Если ты голоден настолько, что распускаешь слюни и превращаешься в девчонку, я отдам тебе свою порцию, чтобы ты успокоился.

Его губы задрожали.

– Не возьму! Я думал, ты меня любишь!

– Люблю. Но мне не нравится, когда ты ведешь себя так сопливо.

– Но я говорю правду!

– Я знаю, милый, – сказала я, смягчившись. – Но нам всем сейчас тяжело. Если мы станем кричать друг на друга, от этого станет еще тяжелее.

Жанно замолчал. Я погладила его по голове, не в силах прибавить что-либо еще к уже сказанному.

Чечевичной похлебки получилось много, и каждый мог съесть ее по полной миске. Я подумала о близняшках. На завтра еще оставалось молоко, купленное мною вечером на постоялом дворе, и, кроме того, они уже, наверное, могут кушать какую-нибудь жидкую кашку – овсяную, например, или сухарную. Особенно если сварить ее на молоке.

– Аврора! – сказала я. – Ты выставила молоко в погреб?

– Ну конечно! – отвечала она даже немного возмущенно. – Иначе бы оно скисло. Ты не думай, мама, я не глупая!

Я привлекла ее к себе. Мне было радостно, что она так привязалась к маленьким. Вероятно, будет нетрудно уговорить ее присматривать за ними – это для нее почти игра, и играет она роль маленькой мамы.

– А вот это сюрприз для вас, мадам! – произнес Жак. Кряхтя, он внес в дом увесистый бочонок, облепленный землей.

– Это вино, мадам. Два года назад, осенью, я зарыл его в парке, под кривым дубом... Тогда еще парк был. А вину пожар ничуть не повредил – можете сами попробовать!

Вино было отменное, насыщенное, – сто лет я уже не пила такого. Мы все выпили по два стакана, а Жак, довольный собственной предусмотрительностью,пил больше всех. После пятого стакана, выпитого им, я стала с тревогой посматривать на багрово-красное лицо старого кучера – не в его возрасте так напиваться! Но я ничего не сказала, не желая, чтобы он подумал, будто мне жаль вина. К тому же Жак и вправду был чрезвычайно рад моему приезду.

А вина было много – мы пили, пили, снова наливали из бочонка, а так и не выпили половины.

Я уложила детей спать на втором этаже башни, на старой большой кровати, и нежно приласкала Жанно перед сном. Чечевица, может быть, ему и не очень нравилась, но он лег спать сытым. И, кроме того, я облегченно вздохнула, понимая, что нет в его глазах того затравленного блеска, какой был в приюте, и что мой сын уже не похож на дикого злобного волчонка. Он снова становился нормальным, милым мальчиком, правда, слишком уж он ревнует меня к близняшкам. И, к сожалению, не любит их.

Вот и сейчас он много раз спросил меня, горячо и настойчиво:

– Ты правда любишь меня, мама, правда любишь?

– Да, мой ангел, люблю. Ты же мой сын.

– И ты любишь меня одного?

– Только тебя, – заверяла я, чтобы он успокоился.

Верхний этаж башни рваной простыней мы разделили на две половины. Другая половина была отведена женщинам – старой Жильде и Авроре. Аврора уже слишком большая, чтобы ночевать рядом с мальчиками.

Сама я спустилась вниз. Близняшкам нужен был огонь очага, и они спали внизу. Рядом с ними, на соломенном тюфяке, улеглась и я. Мне придется провести ночь в компании лошади и кур, рядом с мужчинами – Брике, Жаком и Селестэном; это не очень удобно, но и не так уж страшно.

– Я могу завтра сделать колыбель для принцесс, – громко проговорил в темноте Селестэн.

– Спасибо, – пробормотала я сквозь сон.

Мне уже стало ясно, что этот парень многого стоит. Пожалуй, мне даже повезло, что он здесь. Завтра...

Что, собственно, будет завтра? Завтра начнется новая жизнь. Я возьму башню, хозяйство и землю в свои руки. Предстояло еще разобраться, что сделалось с нашей землей, есть ли у нас что-нибудь из живности. Словом, завтра мне предстояло запрячься в этот воз. Мы должны выжить. Причем выжить так, чтобы не прикоснуться к заветному запасу в тысячу ливров золотом, зашитых в подкладку моего плаща.

«Да, – подумала я в полусне, – со многим надо разобраться».

До завтрашнего утра оставалось лишь семь часов.

2

Завтрашний день начался с того, что Жака разбил апоплексический удар.

Я встала раньше всех, еще до рассвета, чтобы переменить пеленки малышам, и уже развела стирку, чтобы выстирать грязное белье. Жак и Селестэн поднялись сразу после этого и отправились во двор по нужде. Не прошло и двух минут, как я услышала приглушенный голос Селестэна:

– Мадам, ну-ка, идите скорее! Сюда, сюда!

Я выбежала во двор, по нечаянности утонув по колено в маленьком пруду, сделанном для уток. Пес, увидев меня, залился лаем. Я подбежала к Селестэну: он насилу поддерживал хрипящего, посиневшего старика на ногах. Лицо Жака было багрово-красным, глаза закатились, рот перекошен – зрелище ужасное, и я с дрожью отступила.

– Что с ним такое, Селестэн?

– Похоже на паралич, мадам! Его разбил удар. И ноги отнялись – это и сейчас заметно.

Жак, похоже, был при смерти. Вместе с Селестэном мы перетащили его в дом, уложили на топчан, я стащила с его ног сабо. Старик был без сознания, но его рвало. Мы чуть наклонили его над оловянным тазом. Я в растерянности взглянула на Селестэна.

– Лучше оставить его в покое, мадам. В таких случаях ничем не поможешь. Если он не умрет, то дня через два придет в себя.

– Но... но как же его кормить в таком состоянии?

– Его пока не надо кормить. Он сейчас не может глотать.

– А врач? – спросила я.

– Врач есть в Лориане, да он сюда не поедет. Повсюду разбойники, мадам. Нельзя проехать по лесу, чтобы не попасться им в руки.

«Ну вот, – подумала я в отчаянии. – Теперь у меня на руках паралитик и старая Жильда, которая еле передвигается».

Селестэн, не такой ошеломленный, как я, и далеко не столь чувствительный, быстро отдавал распоряжения. Надо, сказал он, поставить топчан с Жаком подальше в угол и завесить его занавеской, чтобы дети не испугались от такого зрелища. Жильда, хоть и старая, сможет ухаживать за бывшим кучером.

– Ведь нам с вами, наверное, найдется другая работа, мадам? – спросил он, словно угадывая мои мысли.

Как хорошо, что он такой энергичный, подумала я. Удар, случившийся с Жаком, и меня точно выбил из колеи – я никак не ожидала такой напасти.

Я хотела было поставить Жаку примочки, но Селестэн остановил меня:

– Не трогайте его, мадам! Мы можем только хуже сделать.

В полной прострации я вышла во двор, на этот раз, правда, удачно обойдя прудик для уток. Картина полнейшего запустения была передо мной: выжженный парк, до сих пор засыпанный пеплом и золой, фундамент замка, спекшийся в черную массу. На месте парка, видно, было что-то посажено, но мало и как-то беспорядочно. Потому-то и есть почти ничего. Правда, я видела прилепившиеся к башне какие-то наспех срубленные деревянные сараи – жалкие, уже потемневшие, и догадывалась, что там, вероятно, есть какая-то живность. Да и в риге было полно сена – это наверняка заслуга Селестэна. Без него эти старики давно умерли бы с голоду.

Придется мне начинать с нуля, это я видела прекрасно.

Медленным шагом я приблизилась к псу. Он не лаял, но смотрел на меня злобно и враждебно урчал. Это ему Селестэн выносил утром чечевичную похлебку. Пес был большой, черный, лохматый, его клыки могли навести ужас на любого волка.

– На ночь я его спускаю с цепи, – произнес Селестэн. – Развелось много лисиц и ласок, как бы кур да уток не потаскали.

Моану, внуку Жильды, было лет двадцать пять, он был высокий, сильный, немного даже грузный, в нем чувствовалась крестьянская мощь. По сравнению со мной он казался гигантом. Волосы у него были русые, очень коротко остриженные и открывали толстую крепкую шею. Длинный нос, черные глаза, коричневая, словно выдубленная кожа, – словом, типичный бретонец. Он был очень велик, но, похоже, достаточно ловок.

– Почему ты здесь живешь? – спросила я.

– Я жил в Сент-Уан, на ферме матери. Дом наш сожгли синие в девяносто третьем, мать умерла. У меня ничего не осталось, да и бабушку надо было содержать. Вот я и пришел сюда.

– Ты не женат?

– Нет, пока нет.

Впрочем, я и так знала, что в бретонских крестьянских семьях сыновья редко женятся раньше тридцати.

Я решительно поднялась.

– Ступай, позови всех вниз, Селестэн. Я должна поговорить со всеми серьезно, очень серьезно. Мы все должны сознавать, каково наше положение. Все, даже дети.

Через десять минут обитатели Сент-Элуа, и молодые, и старые, собрались в нижнем этаже башни.

– Жака разбил удар, – сказала я решительно и резко, не задумываясь, каким скверным было начало разговора.

Наверное, вид у меня был так суров и неприступен, что ни Жанно, ни даже Маргарита не решались задать мне вопроса.

– Итак, – продолжила я, – все мы понимаем, что нельзя вот так просто здесь сидеть и доедать наши запасы. У нас их мало. У нас нет ни еды, ни денег – ничего. У нас есть лошадь и другая живность, а кормов почти нет. Поэтому с сегодняшнего утра мы должны начать работать. Сообща. Все. Без исключения.

Сжимая в руках платок, я обвела всех домочадцев холодным взглядом.

– Я не шучу, – возвысила я голос. – Если кто-то воспринимает мои слова как пустые, тот глубоко ошибается. С этого утра хозяйка Сент-Элуа – я. Все должны слушаться меня. Кто не пожелает – может убираться.

Я сама не узнавала своего голоса – настолько резко, холодно, отрывисто он звучал. Видимо, было во мне все-таки что-то от отца.

– Речь идет о наших жизнях. У каждого будет круг обязанностей, которые нужно выполнять. Жильда, как сможет, будет присматривать за больным Жаком, Аврора – за девочками, Маргарита уже сегодня начнет варить пищу. Остальным достанется что-нибудь другое, это я потом решу.

И, уже подойдя к двери, обернулась и еще раз резко повторила:

– Кто не желает, кому такой порядок не нравится – может убираться. Иначе я сама его выгоню.

Было восемь часов утра. Я вышла во двор, еще раз поразившись тому, как там грязно. Потом громко окликнула Селестэна.

– Ты останешься с нами, Моан?

– Да, – ответил он без раздумий. – Работой меня не испугаешь.

– Отлично. Тогда ты сейчас же покажешь мне хлев.

В хлеву, видимо, наскоро смастеренном Селестэном, я обнаружила отелившуюся корову и едва не умерла от внезапной радости и изумления.

– Это наша Патина, – не без гордости сообщил бретонец, – два дня назад отелилась.

– Но здесь же холодно! – воскликнула я.

Доски были грубо пригнаны друг к другу, из всех щелей дуло. Это был не хлев, а сарай.
– Нужно немедленно исправить это безобразие, – решила я. – Селестэн, ты слышишь? Корова и теленок должны жить. Они нужны нам.

– Но я думал сегодня сделать колыбельку для принцесс.

– Сделаешь после. Это не так важно, как корова.

Я чувствовала настоящее счастье. У нас будет молоко! Да еще много, ведь она только что отелилась! Мысленно я уже решила, что корову и все заботы о ней возьму на себя. Маргарита ни за что не согласится взяться за такое, она – горничная и привыкла только к платьям, духам и корсетам. Об остальных можно было и не вспоминать.

Засучив рукава и повязав старый серый фартук, я принесла Патине сена из риги, заменила соломенный подстил, почистила ее скребком, следуя строгим указаниям Селестэна, который, быть может, и удивлялся такому рвению знатной дамы, но виду не подавал. Я вымыла корове вымя, помыла руки, надоила молока, но, к моему огорчению, оно было желтоватое и, казалось, быстро свернется. Так, оказывается, всегда бывает в течение нескольких дней после отела. Того, что я надоила, хватит только близняшкам. Да и теленку нужно еще оставить – он был такой слабенький, маленький, но славный и симпатичный. Вот кто должен жить вопреки всему.

Я процедила молоко, напоила теленка из ведра и подала Патине воды. Я не хотела помощи Селестэна, хотела только советов. Его делом будет Стрела. Пусть ее кормит и за ней ухаживает.

В хлеву была еще и свинья – не очень откормленная, но достаточно внушительная.

– Чем же вы ее кормили? – спросила я недоумевая.

– Желудями. Знали бы вы, сколько я желудей осенью собрал!

Я какой-то миг глядела на свинью, потом властно махнула рукой.

– Надо ее зарезать. Она нам не нужна.

– Почему? – воскликнул Селестэн почти возмущенно.

Я обернулась к нему, глаза у меня сузились от гнева.

– Почему? Потому что я так сказала! Мы не можем дать ей ни крошки, тебе это понятно? Нам и самим не хватает еды.

– Да, но потом...

– Потом! Нам надо есть сейчас, а не потом!

Я оглянулась вокруг, и тяжелый вздох вырвался у меня из груди – столько всего нужно было отремонтировать, исправить, вычистить, привести в порядок, построить заново... Надо, например, срубить обугленные деревья на дрова и расчистить почву под сад. Но кто это будет делать, если у меня есть только Селестэн?

* * *

«Прежде всего, нужно выяснить, – подумала я, – куда теперь ушло все то, что раньше принадлежало моему отцу и мне». Вымыв руки, я позвала к себе Жильду и, достав из груды книг, оставшихся от библиотеки, чистый журнал, стала расспрашивать и все тщательно записывала. Оказалось, земли за ручьем отошли деревне Сент-Уан, пойменные заливные луга – некоему мельнику Бельвиню, доходы от Пэмпонского и Гравельского лесов – тоже Бельвиню, мельница на реке, наша фамильная мельница – Бельвиню... К нему же отошли и наши земли, засеянные когда-то овсом и гречихой. Раньше отец сдавал их в аренду.

– Так этот чертов Бельвинь теперь всем владеет?

– Да, мадемуазель, – прошамкала Жильда. – Он все купил с торгов.

Я сжала зубы. Имя этого человека ничего мне не говорило, но наглости ему было не занимать. Каким поистине бесстрашием нужно обладать, чтобы посметь захватить земли принца де ла Тремуйля здесь, в этом краю, где полыхает шуанерия...

С крестьян, подумала я, мне многого не вытрясти. Ну, может, самую малость. А вот с Бельвином дело другое. Он один, на него легче нажать. И мы найдем способ, как на него повлиять...

– Селестэн! – крикнула я. – Ты сказал, в лесу есть шуаны. В каком лесу?

– Да во всяком лесу, мадам. В Гравеле их больше всего.

– И кто у них за главного?

– Ле Муан, мадам.

Я повторила про себя это имя. Оно мне ничего не говорило, и я была очень озадачена.

– Но где же Жан Коттро по прозвищу Шуан, Селестэн? Он верховодил в здешних местах!

Глаза Селестэна блеснули.

– Еще бы, мадам! Кто этого не знает! Жан Шуан – наш земляк, и этим всякий гордится. Теперь он ушел в Морбиган. А дочь его, Франсина, здесь осталась – одна из всех его детей...

– А кто такой этот новый... как его? Ле Муан?

– Да он же был за лесничего у вашего отца, мадам.

Мне стало чуть полегче. Оказывается, этот новый вожак шуанов не так уж мне незнаком, как сначала казалось.

– Селестэн, – сказала я решительно, – ступай сейчас же в деревню Сент-Уан. Это твоя родина, там все тебя знают. Зайди на каждую ферму и скажи такое: приехала, мол, принцесса, дочь старого сеньора, чьи земли вам достались. Если вы хоть немного боитесь Божьего гнева и желаете и дальше на этих землях оставаться, ступайте сейчас же к ней. Скажи им, что я жду их к полудню. Если кто-то не пожелает идти, скажи ему, что я на всех, кто не явится, пожалуюсь ле Муану.

Впрочем, я была уверена, что они придут. Здесь, в Бретани, старые обычаи были необыкновенно крепки, и страх перед сеньором, и почтение к нему были живы в каждом крестьянине, несмотря на все революционные потрясения. Конечно, здешние бретонцы раньше имели дело не со мной, а с моим отцом. Но ведь я его дочь! Кроме того, у меня есть сын – единственный его наследник и новый сеньор.

– Кто здесь господин кюре, Селестэн?

– Отец Медар, мадам. Ему крестьяне очень верят.

– Он, конечно же, неприсягнувший?

Селестэн усмехнулся.

– Да если бы хоть один присягнувший сюда явился, то не прошел бы и двух шагов, как его убили бы.

За отцом Медаром я послала Брике. А потом позвала к себе Жанно, причесала его и приказала хорошенько умыться – ему ведь предстояло стать новым сеньором и перед крестьянами выглядеть соответствующе.

3

Когда осенью 1793 года вандейцы, голодные, разутые, дважды наголову разбитые при Савенэ и Мансе, вместе с женами и детьми в беспорядке отступали на юг и перешли Луару, когда все их предводители аристократы – Гастон, д'Эльбе, Лескюр, Боншан – были либо убиты, либо взяты в плен и расстреляны, когда, наконец, в Нанте и Анже были учреждены военные комиссии и тысячи повстанцев казнены самым зверским образом, – тогда можно было думать: дело короля безнадежно проиграно, Вандея не поднимется больше никогда.

Тогда уже не было великой католической армии, и лишь три человека поддерживали тлеющие огоньки сопротивления: граф де Шаретт в болотистых областях Маре, Сапино и Стоффле – на востоке, в горной Вандее и Мансе.

Для того чтобы примерно наказать мятежников, Республика двинула против восставших провинций 12 колонн генерала Тюрро – колонн, получивших название «адских». Эти подразделения оставляли после себя выжженную землю, опустошенные деревни, сотни тысяч замученных женщин и детей. Когда отчаяние доходит до такой степени, что исчезает надежда, и трус становится львом. Прошло всего пять месяцев с тех пор, как Вандея была разбита, а в мае 1794 года крестьяне снова взяли за оружие. В ряды вандейцев влилось более двадцати пяти тысяч человек. Сапино и Стоффле собрали остатки великой побежденной армии, которой удалось отойти на юг от Луары, соединили ее с новыми инсургентами и в итоге получили то же самое количество солдат, каким располагали до начала восстания.

Так началась вторая война Вандеи.

Снова запылала здесь земля. Генерал Тюрро и его офицеры были повешены. В ответ на уговоры комиссаров Конвента крестьяне Нижней Луары ответили:

– Вы предлагаете нам вернуться к нашим очагам! Где же мы возьмем их? Вы сожгли наши дома и убили наших жен и детей. Теперь вы хотели бы получить наш урожай и наше оружие. Мы заявляем вам от своего имени и от имени всех солдат нашей армии, что мы не можем вас признать до тех пор, пока вы будете говорить о Республике. Мы роялисты и всегда ими останемся. Жить и умереть за нашу религию и за нашего короля – вот наш девиз, считайте его постоянным!

Могла ли Бретань и ее шуаны остаться в стороне от этого? Шуаны поддержали вандейцев на другой же день после восстания. Правда, характер их действий был другой – скрытый, лесной, партизанский, но чем меньше оставалось воспоминаний о Робеспьере, тем отважнее становились шуаны. Синие здесь явно теряли все позиции. Повстанцы действовали в краях, где республиканцы совершенно исчезли, изгнанные из деревень не только страхом перед роялистами, но и приказами из Конвента, который пытался проводить политику «умиротворения». В обширном четырехугольнике между Нантом и ландами на западе, Ниором и Шоле на востоке синие были представлены только летучими отрядами, а в Бретани и их почти не было.

Шуаны стали здесь хозяевами, и уже не только ночью, но и днем. План их действий был прост. Они намеревались вызвать голод в городах и селах, где еще скрывались республиканцы. Чтобы помешать землевладельцам возить на рынок товары, они ломали дышла и оси у телег, снимали колеса, портили дороги, угрожали фермерам мстью. Если крестьянин – что случилось весьма редко – был привержен новой власти, его убивали. Большинство здешних жителей выступало заодно с инсургентами, снабжало их провиантом и гужевым транспортом.

Тысячи аристократов, ранее пребывавших в эмиграции, высадились теперь в Бретани, и руководство роялистским восстанием взял на себя граф Жозеф де Пюизэ, владевший землями в Нормандии и Перше. Заручившись поддержкой графа д'Артуа и согласием Англии, он повел дело так, что уже к осени 1794 года в посадке англичан и аристократов, десантированных с острова Джерси, не было ничего невероятного.

Республика по-своему пыталась нейтрализовать эти действия. Командование Западной армией было поручено знаменитому республиканскому генералу Гошу – поручено еще и потому, что он сам сидел в тюрьме при Робеспьере и якобы не должен был вызывать предубеждения у повстанцев. Гош повел политику умиротворения. Войска, введенные им в Вандею, никаких враждебных действий не предпринимали. Генерал обещал рядовым мятежникам самую полную амнистию, а казнями угрожал лишь их предводителям.

Эмиссары Конвента подражали ему: не брали поборов с населения, чтобы содержать армию, освобождали вандейцев, интернированных в Ниор и Фонтенэ-ле-Конт, амнистировали некоторых рекрутов и даже обещали по двадцать ливров каждому, кто сдаст свое ружье. Ни о каких расправах, трибуналах и гильотинах уже и речи не было.

И все-таки подобная политика была и запоздалой, и напрасной. Практика скоро доказала это. Ожесточенное население не поддавалось на уговоры, а рядовые повстанцы не выдавали своих начальников ради прощения. Помилование делало инсургентов еще предприимчивее. А амнистии убеждали лишь в слабости Республики.

Чуть позже эмиссары Конвента оставили тщетные попытки оторвать шуанов от их предводителей и провозглашали полное и всеобщее прощение. Шуанские и вандейские военачальники вступили в переговоры с синими. Это, впрочем, вовсе не означало, что они пошли на попятный и решили распрощаться с тяготами военной жизни. Они видели, что англичане могут высадиться только после больших приливов в начале апреля, поэтому хотели усыпить бдительность синих, не допустить крупных военных действий до решающего момента и, выражая республиканцам свою покорность, в то же время писали в Лондон о необходимости денег, оружия. «Мы никогда не сдадимся», – вот что чувствовал каждый белый, участвовавший в переговорах. Синих удавалось водить за нос с легкостью, которая не делала чести их проницательности.

Мирные переговоры шли, а каждый шуан напевал:

Созвал ополчение Бретани
Наш герцог, ее властелин,
От Нанта до самой Мортани
Собрал он на подвиги брани
Всех воинов гор и долин...

И в такое время мельник Бельвинь решился купить с торгов земли принца де ла Тремуйля и пользоваться ими! Ей-богу, предстояло всерьез задуматься, уж не безумен ли он.

Шаткость его положения я чувствовала. И самым важным, что нужно было сделать, разумеется, после встречи с крестьянами деревни Сент-Уан, я считала разговор с самим Бельвином и знакомство с предводителем гравельских шуанов ле Муаном.

4

Крестьян явилось человек пятнадцать, среди них – две женщины, и никого из них я не знала, ни в лицо, ни по имени. Они были облачены в обычную для этих мест зимнюю одежду: несколько кацавеек, одна длиннее другой, деревянные башмаки с железными подковками и козий мех до самых пят – своеобразная шуба, у которой вместо пуговиц были деревянные сучки. Мужчины были лохматы и длинноволосы, у женщин на головах красовались диковинные огромные чепцы из накрахмаленного сукна.

Холодная дрожь пробежала у меня по спине. Я ощутила вдруг всю огромную разницу между мной и людьми, стоявшими в пяти шагах от меня, почтительно сжимающими в руках шляпы. Я не знала и не понимала их. Что они могут чувствовать ко мне, кроме враждебности? На миг, признаться, мне стало немного страшно. Но потом я вспомнила, что меня окружает: разрушенный замок, сожженный парк, жалкая живность, полуслепая Стрела – сплошное разорение... Они, эти люди, забрали у меня землю, вырвали кусок хлеба изо рта моего ребенка, и, подумав об этом, я ощутила, как волна злости подкатывает к горлу. Я разозлилась; решив, что не буду говорить с этими людьми долго, ступила шаг вперед, и лицо мое имело самое что ни на есть холодное и высокомерное выражение.

– Надеюсь, вы знаете, кто я, – сказала я резко и громко по-французски, не желая, говоря по-бретонски, хоть немного приблизиться к крестьянам. – Мой отец, мой дед и все мои предки шестьсот лет были здесь сеньорами, этот край принадлежал им за те услуги, которые они оказывали королю. Леса, луга, поля, пашни и уголья – все здесь принадлежит нашему роду, вплоть до хвороста в Гравеле и рыбы в реках. И что же увидел мой сын, когда вернулся вчера домой? Он – принц, а вы посмели посягнуть на то, что ему принадлежит!

Я сжала руку Жанно. Он стоял рядом со мной очень прямо и гордо. Я не учила его, как следует держаться перед крестьянами, это кровь была его учителем. Бретонцы стояли молча; было видно, что моя речь пока ничего для них не прояснила и они ждут, чего же я потребую.

Я заговорила снова, высоко вскинув голову:

– Мой сын многого мог бы потребовать от вас. Вы хозяйствуете на наших землях и ничего не платите; вы, крестьяне, ничего не платите своему сеньору! Но я готова на время стерпеть это. Я не собираюсь отбирать у вас землю, я готова забыть то зло, которое вы причинили не только мне, но и маленькому принцу. За это каждая ферма в Сент-Уане должна приносить нам то, что она имеет, – яйца, мед, воск, мясо, цыплят, приносить столько, сколько будет нужно моему сыну, и, видит Бог, это самое меньшее из того, что я могу потребовать от вас!

– Ну, слава богу! – произнес один крестьянин.

Я обвела их всех холодным взглядом.

– Это мое последнее слово. Кто не пожелает сейчас воспользоваться нашей добротой, тот впоследствии горько пожалеет!

– А часто ли надо будет приносить? – отозвалась по-бретонски крестьянка.

Не глядя на нее, я произнесла разгневанно и громко:

– И передайте всем в деревне – тем, кто не пришел, и тем, кто станет говорить, будто не слышал моих слов, – что не за горами тот час, когда вернутся аристократы и всем станет ясно, кто остался верным бретонцем и честным католиком, а кто продался новой власти, наплевал на Бога, предал короля и обманул своего сеньора!

Последние слова прозвучали явно угрожающе, с намеком на возмездие. Чтобы усилить это впечатление, я добавила:

– Ле Муан в Гравеле будет мне защитой, если право и закон ничего для вас не значат, – Ле Муан и отец Медар!

И как раз в этот миг я увидела, что у полуразрушенной ограды остановилась высокая фигура в сутане и плаще, наброшенном на плечи. Это, вероятно, и был отец Медар, позванный Брике. Кюре появился как нельзя кстати и придавал должную убедительность моим угрозам. Я молча дала знак крестьянам расходиться.

Плечи у меня дрожали. Что ни говори, а в жизни мне еще не приходилось выступать в подобной роли. Я сама не знала, как у меня хватило сил и смелости.

– Какая ты храбрая, мамочка! – прошептал Жанно, взяв меня за рукав. В глазах его было искреннее восхищение. – А мне с этими людьми можно так говорить?

– Нет, Жанно, – сказала я. – Не всегда. Твой дед, когда была старая власть, никогда не кричал на крестьян и не запугивал их. Просто... просто сейчас у нас нет другого выхода, кроме как напомнить им, кто есть кто.

Я уже знала, что перепису в журнал все фермы и буду записывать, что и когда доставлено с каждой из них. Я познакомлюсь с Ле Муаном. Раз уж он верховодит шуанами, он вступится за меня.

Отец Медар оказался совсем еще молодым человеком, лет эдак тридцати, высоким, тонким, белокурым и изящным; я по одному его виду определила, что он из дворян. Впервые за долгое время я поцеловала руку святому отцу; он сразу же отстранил меня.

– Я полагаю, мой визит пока чисто светский, сударыня, – сказал он с вежливостью, сделавшей бы честь даже версальскому завсегдатаю. – Я из Говэнов, так что мы с вами почти что соседи.

– Вы младший сын в роду Говэнов, не так ли?

– Да, младший.

Мы с ним разговорились. Мне нетрудно было понять, почему этот юноша с внешностью кардинала Ришелье пользуется уважением среди крестьян. В нем была скрытая, тщательно сдерживаемая духовная сила; внешне хрупкий, он был нестигаем внутренне и непоколебимо верен католической религии старого образца. Но он не был фанатик, что особенно пришлось мне по душе.

Я рассказала ему, что собираюсь остаться в Бретани навсегда и что наш дом особенно требует внимания священника: здесь есть парализованный Жак, есть Аврора, которую следует привести к первому причастию. От кюре я узнала, что живет он в Гравельском лесу, у Букового Креста, в небольшом домишке, и служит мессы в полуразрушенной лесной часовне, так как церковь в Сент-Уане до сих пор еще не восстановлена после пожара.

И тогда я спросила, сразу догадавшись:

– Раз... раз вы живете в лесу, вы наверняка знаете дорогу к шуанам и знаете самого Ле Муана, не правда ли?

– А вам надо повидаться с ним?

– Непременно, – сказала я горячо. – Вы ведь на моей стороне, святой отец?

– На вашей, – ответил он улыбнувшись. – Я преклоняюсь перед памятью вашего великого отца.

5

Через ручей я перебралась вброд, сняв башмаки. Ноги в холодной воде заledenели. Став ступнями на покрытую изморозью землю, я поспешно обулась и зашагала под гору, туда, где ручей сливался с речкой. Там, у самого устья, стояла мельница Бельвина.

Было прохладно, но не холодно; сильная влажность чувствовалась в воздухе. Я взглянула на небо: оно было не золотое, не розовое, не голубое, а бесцветно-прозрачное, и лишь на горизонте, там, где холмы сливались с лесом, сиреневые облака образовывали причудливый орнамент.

Зима в Бретани обычно стояла мягкая, дождливая; холод сюда приносили лишь ветры из Англии и Исландии, а морозов никогда не бывало. Приятно было очутиться здесь после жестокой зимы Парижа, приятно было не видеть снега и полной грудью вдыхать прохладный, влажный, напоенный запахами моря воздух. Море ведь совсем недалеко – рукой подать. Полтора-два часа пути пешком.

Мельница не работала сегодня, но над хутором, принадлежащим Бельвину, вился синеватый дымок. О, он был богат, этот мельник, много богаче меня: сто овец, двадцать коров, восемь пар лошадей да еще столько арпанов за бесценок купленной земли. Кроме того, он захватил нашу мельницу и нашу хлебопекарню, наши луга и пашню. Я намеревалась вернуть это – если не все, то хоть половину, и уж никак не была намерена отступать. На моей стороне – складывающаяся политическая обстановка, шуаны и отец Медар. Бельвинь бессилен против этого.

Я пошла на двор, где работали по меньшей мере пять батраков. Одна из служанок указала мне на черноволосого сильного мужчину средних лет, таскавшего мешки с мукой наравне с батраками:

– Это и есть хозяин!

Бельвинь слегка прихрамывал на левую ногу. Я подошла ближе и остановилась. Он увидел меня, аккуратно взвалил мешок на телегу и, отряхивая одежду, произнес:

– Вы ли это, ваше сиятельство? Уж мог ли я надеяться, что вы окажете мне такую честь!

И он отвесил мне самый изящный поклон, на какой только был способен человек, работающий на мельнице.

Он показался мне добродушнее, чем можно было ожидать. Я ступила шаг вперед, не произнося никакого приветствия: я уже знала – чем высокомернее себя ведешь, тем с большим почтением крестьяне к тебе относятся.

– Я пришла взглянуть, как ты разбогател на чужом добре, мэтр Бельвинь, – сказала я по-французски. – В любом случае, я пришла в первый и последний раз.

– Видит Бог, ваше сиятельство, – с улыбкой возразил он, – я, когда прослышал, что вы крестьян из Сент-Уана у себя собирали, сам намеревался к вам заглянуть. Ваш почтенный отец и для меня сеньором был.

К нему подбежала светловолосая девочка лет шести, бойкая, круглолицая; он с нежностью погладил ее по голове.

– Это моя дочь, Берта, ваше сиятельство. – И, ласково потрепав дочь по щеке, он сказал ей: – Беги-ка, Берта, в дом, скажи, чтобы подавали обед.

Взглянув на меня, Бельвинь добродушно-лукаво спросил:

– Вы ведь отобедаете с нами, ваше сиятельство?

Кровь бросилась мне в лицо. Слышал бы мой отец! Какой-то грязный мельник, захвативший наше имущество, обнаглел настолько, что полагает, что принцесса де Ла Тремуиль станет обедать в его доме!

– Мне кажется, – сказала я надменно, – ты забываешься. Даже если бы я была голодна, я бы не села за один стол с вором.

Он перестал улыбаться и нахмурился.

– Вот как, ваше сиятельство, сразу начинаете с войны?

– Мне не нужна война. Я хочу взять лишь то, что мне принадлежит.

Он подступил близко и снова заулыбался:

– Э-э-э, мадам! А ведь я ничего не украл. Я заплатил по десять су за арпан земли, да по двадцать за арпан леса, вот как!

– Кому ты заплатил? Сатанинской власти? Для моего сына это не имеет никакого значения.

Какой-то миг он разглядывал носок своего сапога.

– Чего вы требуете? Может, вам есть нечего? Так я согласен вас кормить, да и одевать согласен. За этим дело не станет.

– Я хочу, чтобы ты вернул луга и расчистил пять арпанов земли для огорода и пашни. – Глядя на него в упор, я добавила: – Это еще не все.

– А не слишком ли много будет? – насмешливо спросил он. – Пять арпанов!

– Это даже мало. Мне нужна моя мельница, та, что принадлежала нам. За нее ты берешь с крестьян деньги, так же как и за хлебопекарню. А ведь все это тебе чуть ли не бесплатно досталось. Я хочу, чтобы это вернулось моему сыну.

Внимательно глядя на меня черными блестящими глазами, он очень вежливо, очень мягко и добродушно произнес:

– Нет, мадам. Нет и не будет на это моего согласия.

Волна гнева поднялась у меня в груди. Этот мельник, похоже, полагал, что имеет дело со взбалмошной девицей, парижской девчонкой, которая приехала в Бретань лишь на время и теперь явилась к нему капризничать. Сдерживая гнев, я сказала:

– По-видимому, ты не понимаешь, что я говорю не впустую. Я здесь не шутки шучу, Бельвинь. То, что принадлежит моему сыну, вернется к нему, даже если мне придется уговорить Ле Муана перерезать тебе глотку!

Бельвинь молча смотрел на меня.

– Это почему же? – спросил он наконец.

– Потому что ты продался новой власти, потому что ты вор!

– Ну уж, – сказал Бельвинь, – с Ле Муаном я в добрых отношениях. Пять дней назад он получил от меня два мешка муки. Клянусь святой Анной Орейской, ему не на что жаловаться.

– Кроме ле Муана, – сказала я, – есть еще и граф де Пюизэ, которому наплевать на твои мешки, но который был дружен с моим отцом. Впрочем, я полагаю, что и Ле Муан, узнав о моем возвращении и моей просьбе, еще подумает, на чью сторону встать. Подумай и ты, Бельвинь.

Это было все, что я сказала. Оборвав разговор резко и внезапно, но так, что последнее слово осталось за мной, я сочла свою миссию выполненной. Большого от сегодняшнего визита я не ожидала. В конце концов, все надо делать постепенно. Как говорят в Тоскане, упорство и постоянство подтачивают даже каррарские мраморные глыбы. Упорства мне не занимать.

6

На следующее утро, встав спозаранку, я снова поухаживала за Патиной и подоила ее. Молоко было лучше и чище, чем в прошлый раз, я надоила почти четыре пинты и с радостью подумала, что сегодня уж наверняка хорошо накормлю Изабеллу с Вероникой и сварю им овсянку на молоке с сахаром. Все лучшее в Сент-Элуа должно принадлежать этим малышам. Вот и Селестэн – сидел вчера допоздна, но смастерил для близняшек деревянную колыбель, просторную, крепкую, пусть не очень изящную, но ладную. Я поэтому и не будила его сегодня рано, хотя надо было продолжать утеплять хлев и зарезать свинью.

Бешено залаял пес во дворе. Я выглянула из хлева: крошечная девочка с огромной, явно слишком тяжелой для нее корзиной стояла на тропинке и, как мне показалось, с полным бесстрашием взидала на этого черного лающего дьявола.

– Я Берта! – пискнула она по-бретонски. – Мой папа Бельвинь послал меня к вам. Я принесла вам окорок, яйца и еще два локтя сукна – папа сказал, вы сошьете штаны маленькому сеньору.

Кровь бросилась мне в лицо. Я узнала эту девочку, и меня охватил гнев. Как смеет этот подонок, ее папаша, присылать мне подачки? Как смеет он думать, что я приму их?

Особенно меня задели слова девчонки о сукне. Да я скорее умру, чем так унижусь, чем дам своему сыну пример унижения!

– Уходи, – сказала я тихо и яростно, – уходи и не смей больше ничего приносить сюда!

Девчушка недоуменно поглядела на меня; насмешка, заключающаяся в поступке ее отца, была ей явно непонятна. Берта отвесила мне поклон, повернулась и зашагала по дороге, таща за собой тяжелую корзину.

Что значило это со стороны Бельвиня, о чем свидетельствовало? Было ли это насмешкой или испугом? Или он просто хотел откупиться от меня, бросить какой-то жалкий кусок вместо всего пирога, который полагался мне по праву?..

В тот день было переделано много всяких дел. Селестэн окончательно починил хлев и вычистил прудик для уток, я до самого вечера возилась с телятками, Патиной, курами и утками, собирала снесенные яйца и стирала. Чуть позже устроила купание для малышей. А уж совсем поздно, даже не предупредив меня предварительно, Селестэн зарезал свинью.

Возни с ней было много, а когда все было кончено, над вырытой ямой мы установили решетку и, разведя внизу огонь, уложили для копчения множество кусков мяса. Брике взял на себя задачу поддерживать огонь в течение нескольких суток. У нас должно было получиться больше трехсот фунтов свинины холодного копчения.

Вечером, очень поздно, усталая, но немного морально приободренная, я вышла на дорогу, чтобы вдохнуть перед сном свежего воздуха. Все, пожалуй, складывалось не так плохо, как можно было ожидать. Крестьяне утром принесли мне десять мерок пшена – этого вполне хватит для домашней птицы, сотню яиц и мерку фасоли. У нас будет сало, кровяная колбаса и много копченостей. По крайней мере, призрак голода уже не стоял перед нами. Будем экономить, но не умрем до весны.

Предстояла еще битва с Бельвином, но я была уверена, что выиграю ее.

Сейчас, в этот поздний час, я могла немного перевести дух. Одиннадцать желудков накормлены и будут накормлены завтра – не было ли это поводом для успокоения? Конечно, обеспеченность это слабая, и к тому же у нас нет одежды, нет денег для обучения Жанно и Шарло, да и Авроры тоже. Да что там говорить – мы самые настоящие бедняки. Даже если мне удастся что-то посеять (при условии, что Бельвинь вернет хоть что-нибудь) и Господь Бог пошлет небывалый урожай, мы все равно будем лишь кормить себя, ничего больше. Господи Иисусе, об этом ли я мечтала для Жанно, для девочек?

«Так что обольщаться не следует, – подумала я угрюмо. – Все еще только начинается, а я должна сделать так, чтобы мои дети никогда не были голодны».

Когда я, продрогнув и приуныв, возвращалась с дороги назад, темная приземистая фигура вышла мне навстречу. Я остановилась, слегка испуганная. Человек был в плаще и шляпе, огонек его трубки красновато мерцал в темноте. У меня мгновенно всплыли в памяти рассказы об убийцах и разбойниках, наводнивших провинцию.

– Кто вы? – произнесла я настороженно.

– Я Ле Муан, мадам.

Подойдя ближе, он объяснил:

– Отец Медар передал мне, что вы хотите встретиться со мной.

Я была слишком ошеломлена, чтобы сразу понять, как себя вести. Ле Муан, предводитель гравельских шуанов, стоит передо мной, да еще так неожиданно!

– Вы... вы так уважаете отца Медара, сударь? – проговорила я.

– Отчего же его не уважать? Он слугитель Божий.

– Может, вы зайдете в дом? – спросила я, слегка успокоившись.

– Нет, – отрезал шуан. – Стыдно мне там показываться.

– Стыдно? Почему?

– Да ведь из-за нас его спалили. Чудесный замок был, а не отстояли мы его от синих! Что ж, на их стороне тогда сила была. С тех пор я всегда помню, что виноват перед его сиятельством.

– Перед его сиятельством? Каким его сиятельством?

– Да перед вашим отцом, который погиб за Бога да за нашего короля.

– А! – сказала я. – Вы ведь служили у нас лесничим, не так ли?

– Имел такую честь, мадам.

Он потушил трубку. Огонек погас, но я уже имела возможность хорошо его рассмотреть: темные глаза, пылающие сухим блеском, морщинистое, все в складках, лицо, крупный нос с грубо вырезанными ноздрями, косматые длинные волосы. В этом человеке было явное сходство с обезьяной. Да и двигался он легко, бесшумно, ловко, так ловко, что даже наш пес ничего не учуял.

– Заступитесь за меня, – попросила я прямо. – Вы же знаете, сударь, что мельник Бельвинь теперь пользуется двумя третями из того, что принадлежало здесь моему отцу. Вы говорите, что в долгу перед принцем. Его уже нет, но есть его наследник, мой сын. Вы бы могли хоть чем-то помочь ему?

Шуан слушал меня, не перебивая. Когда я закончила, он все так же молчал. Это меня удивило.

– Так что же вы скажете, Ле Муан? Вы согласны помочь нам или нет?

– Видите ли, госпожа, мне надобно выяснить одну вещь.

– Какую?

Некоторое время он молча смотрел на меня.

– Госпожа, вы в Бога веруете?

– Да, – отвечала я, несколько удивленная.

– А сын ваш, маленький сеньор?

– Он католик, как и я, Ле Муан.

– А станете ли вы жить как христианка, ходить к мессе в нашу часовенку, исповедоваться, станете ли водить туда маленького сеньора?

– Если дело только за этим, – сказала я, – то отцу Медару не придется на меня жаловаться.

Я произнесла это, а втайне подумала: «Попробовал бы этот Ле Муан задать такой вопрос моему отцу!» Отец был равнодушен к религии и при Старом порядке проявлял не больше религиозного рвения, чем весь остальной двор. Даже аббат Баррюэль не мог изменить его...

Даже страшные потрясения, обрушившиеся на монархию... И, однако, слово маршала было для религиозных шуанов законом. Правда, теперь наступили другие времена. Аристократы были вынуждены возвращаться к католическим истокам, чтобы привлечь на свою сторону необыкновенно набожных крестьян, которые здесь поголовно были преданными католиками и свою борьбу вели прежде всего во имя Бога. И я сама... сама зависела от защиты этих религиозных людей. Само пропитание моих детей от них зависело.

– Ты же видишь, Ле Муан, я едва приехала, а уже познакомилась с отцом Медаром, и он обещал навещать нас, – сказала я.

– Да, уж об этом я наслышан. Мне это отраднo. Ведь вы, госпожа, раньше служили в Версале, а там были одни безбожники. Безбожники, с которых и начались все беды Франции.

Еще несколько секунд Ле Муан размышлял, а я с трепетом ожидала, когда он продолжит разговор.

– Ну, госпожа, – решился он наконец, – коль уж я страшно провинился перед его сиятельством, да и вы обещаете стать в здешних краях оплотом веры в Бога, я, стало быть, обязан вам помочь. Чего вы хотите? Хотите, этот Бельвинь завтра же будет качаться на осине? Вы не думайте, я не посмотрю, что он нам помогал! Не такая это помощь, чтобы мы позволили продаваться новой власти и заводить здесь новые порядки.

– Нет-нет, – поспешила возразить я, – это уж слишком.

– Слишком? А время нынче какое?

– Ну, в конце концов, Господь Бог не велел проливать крови. Я только хочу, чтобы мельник согласился на мои условия. И я не требую многого, – добавила я. – Когда мой сын вырастет, он сам наведет здесь порядок.

– Дай-то Бог, – с неожиданно искренним чувством произнес шуан, – чтоб маленький принц был такой же сеньор, как его дед. А насчет Бельвиня вы больше не держите сомнений. Все будет сделано – слово Ле Муана!

Я сжала руку бретонца.

– Если твоему отряду, Ле Муан, нужно будет убежище, или еда, или еще что-нибудь, ты должен знать, что Сент-Элуа всегда открыт для тебя и твоих людей, – сказала я.

Он неуклюже поклонился.

– А что вы скажете, мадам, ежели я пришлю вам в помощь Франсину? Знаете ее?

Я помнила эту девушку, прежде служившую в Сент-Элуа. Она младшая дочь самого Жана Шуана, и это из-за нее сгорел замок.

– Она бродит следом за нами, но ведь это не занятие для молодой девицы. Ваше сиятельство, вы женщина знающая и порядочная, вы ведь присмотрите за ней? А она вам так поможет, что вы не станете жаловаться.

Я поняла, что Ле Муану ужасно хочется пристроить куда-нибудь Франсину Коттро, и поспешила согласиться.

Когда я вернулась в дом в самом приподнятом настроении, Аврора встретила меня криком радости: в корзине, принесенной крестьянами, она обнаружила цветные нитки и локоть отличного беленого полотна.

– Что мы сделаем из этого, мама? – спросил Жанно. – Сошьем одежду?

Я обняла сына.

– Нет, мой мальчик, – сказала я с воодушевлением. – Мы выкрасим его в пурпурный цвет – цвет герба де ла Тремуйлей, вышьем на пурпурном фоне трех лазурных орлов, мечи и наш девиз латинскими буквами и повесим на шпиле башни – так высоко, как при Старом порядке. Вся Бретань должна видеть, что в Сент-Элуа появился законный хозяин, не так ли? Право, мой дорогой, у нас есть причины гордиться своим прошлым.

По глазам Жанно я видела, что он не ожидал такого предложения, но горячо, гордо и восхищенно одобряет его.

7

На следующее утро, когда солнце еще не взошло, Бельвинь постучался в нашу дверь. Он не выглядел испуганным, но я отдала должное поспешности, с которой он пришел, и по достоинству оценила могущество Ле Муана в здешних краях.

Я не впустила Бельвиня в дом и разговаривала с ним во дворе.

Впрочем, разговор был короток: мельник хотел услышать, каковы мои условия, и подумать. Я, в свою очередь, тоже не требовала невозможного. Мои условия были таковы: мельница, хлебопекарня и пойменные луга у реки должны вернуться к моему сыну. Батраки Бельвиня помогут мне вырубить деревья в сожженном парке, выкорчуют их и расчистят пять арпанов земли под посев. Мельник будет одалживать мне своих батраков тогда, когда я попрошу. И, кроме того, по мере необходимости станет давать мне лошадей и телегу для подвоза воды и дров.

Бельвинь не дал мне окончательного ответа, но я была больше чем уверена, что он согласится.

День прошел в хлопотах по приготовлению кровяной колбасы, стирке и уходе за живностью. Селестэн отправился в Гравель за дровами, Аврора возилась с малышками, а Жанно и Шарло были посланы на огород, где когда-то было что-то посеяно, и получили приказание покопаться в земле: может быть, обнаружится прошлогодняя морковь, брюква или свекла.

Еды нам по-прежнему не хватало. Копченое мясо было еще не готово, и Брике все время сидел возле ямы, поддерживая дым сосновыми и еловыми стружками.

А вечером пришел в себя Жак. Он пока не говорил, но открыл глаза и был в сознании. Нижняя половина его тела была парализована, и он полностью лишился возможности передвигаться. Селестэн утверждал, что вскоре к нему вернется и речь.

28 января 1795 года была вольная ярмарка в Лориане, и мы с Селестэном, едва только рассвело, пешком отправились туда. У меня были большие планы на эту весну, а поскольку сеять в Бретани начинали уже в феврале, то пора было запастись семенами.

То, что море не за горами, стало ясно еще за пол-лье до города: настолько сильным показался мне запах соли, кипящей смолы с ремонтных верфей и жареных креветок. Затем перед нами открылась равнина, усыпанная серыми валунами, словно пригоршнями разбросанными по бухте. Одурачивающий запах морских водорослей даже вызвал у меня легкий приступ тошноты. Но тусклый блеск моря, подернутого сероватой зябью волн, манил меня, и я зашагала дальше, увлекая за собой Селестэна...

Лориан был маленьким прибрежным городком, бретонским портом с крытыми дранкой крышами домов, завершающимися остроконечными коньками каменных труб, которые были сложены из серых валунов или красного кирпича на домах муниципальных чиновников и богатых торговцев.

Был конец января – то время, когда рыбаки, из которых преимущественно состояло население Лориана и его окрестностей, отправляются в море на много месяцев, до самого сентября. Они плывут до самой Исландии, и треть из них не возвращается из этих походов. В конце каждой зимы рыбаки получают в порту благословение на выход в море. Отплывая, экипажи поют канты в честь Марии – Звезды морей.

Вот и сейчас, пока мы шли по городу, нам встретилась не одна разбитная торговка креветками, у которой муж наверняка уходил в море, но которая тем не менее напевала:

Муженек мой далеко уплыл,
Аж в Исландию рыбку ловить он уплыл.
Я сама без копейки живу.

Не беда... Тра-ля-лю.
Тра-ля-лю.
Наживу!
Наживу!

У меня эти встречи вызвали мысль о том, что можно было бы, пока у нас туго с едой, ходить к морю и собирать креветок, крабов и устриц – так как это делал мой брат Антонио еще в Тоскане. А почему бы нет?

Лорианская ярмарка поразила меня своим многообразием, а особенно обилием вещей, в которых мы так нуждались, но от покупки которых я вынуждена была воздержаться. Мне и так пришлось выложить чуть ли не полсотни ливров за семена – всевозможные и всяких видов. Вооруженная наставлениями домашних слуг, я выбирала этот товар со знанием дела. Жильда говорила мне: «Доброкачественные семена должны быть круглые, наполненные, без всяких морщин. Это только у лука и гороха иначе». Вот я и обращала внимание на мелочи, вплоть до запаха и окраски. У меня не было денег, которые можно потратить впустую.

Целый час мы глазели на лошадей, выставленных на продажу, зерно, вино, сено, полотно, развешенные кожи, явно понимая, как пусты наши карманы. Я раскошелилась лишь на рвотный корень, горькую английскую соль и доверов порошок – лекарства, без которых невозможно обойтись в случае болезни.

Уже надумав уходить, я внезапно остановилась у торговца, понуро стоявшего с краю и без всякой надежды предлагавшего на продажу коричневые клубни, сложенные в мешки. Крестьяне и лорианцы обходили стороной этот продукт, не понимая, что это такое. А я узнала: это был картофель. Уж мне-то приходилось есть его в самых разных видах – и отварной, и жареный; в Версале он считался деликатесным кушаньем, а его цветками модницы даже украшали шляпы. В Париже картофель и сейчас оставался достаточно редким блюдом, а уж в Бретани о таком и не слыхали!

Заметив мой интерес, торговец воскликнул:

– Товар из Америки, милочка! Недорого отдам!

Неожиданная мысль блеснула у меня в голове, глаза засияли. Меня даже не интересовала цена. Подступив к торговцу и не слушая возражений Селестэна, я задала только один вопрос:

– Будет ли у вас двести-триста фунтов этого картофеля? Если да, то я беру их – при условии, что вы расскажете мне, как с ним обращаться, когда хочешь посадить.

В Сент-Элуа я вернулась одна. Селестэн остался в Лориане сторожить наши покупки. Я послала Брике к Бельвиню, чтобы тот выделил мне батрака и телегу с лошастью и сейчас же послал их в город. Не было границ моему воодушевлению. Я посажу целую плантацию картофеля, можно сказать, положу начало возделыванию этой культуры в бретонских землях. Я по опыту знала, какой это вкусный, удобный и сытный продукт. Я даже знала, какие блюда следует из него готовить...

– Это вы верно задумали, мадам! – отозвалась Маргарита, когда я посвятила ее в свои планы. – Хотя, надо сказать, никогда я не думала, будто наступят времена, когда вы, принцесса да красавица всем на загляденье, станете о таком думать. Известное дело, все это не по вашей воле случилось, но все-таки, скажу я вам, в мире все перевернулось...

Я прервала ее сетования поцелуем в щеку, ибо знала, что им не будет конца.

– Где Жанно, Маргарита? Я что-то не вижу его.

– Во дворе. Уже нашел себе подружку!

Я вышла во двор и была немного ошеломлена увиденным. Жанно с какой-то светловолосой девчонкой сидел на ограде, они болтали ногами и разговаривали. Я пригляделась получше: девочка была не кто иная, как крошечная Берта Бельвинь, бойкая и задиристая. Она разгова-

ривала с Жанно заинтересованно, но как с вполне равным, то и дело перебивая его, и я даже видела, что она стукнула моего сына по лбу.

Мне стало отчего-то обидно, я почувствовала желание вмешаться и прогнать эту кроху со двора, но потом увидела, как увлечен Жанно этой дружбой, и сдержалась. Увидела я и то, что Берта явно нравится Жанно. Внешне она была чудесной девочкой: лицо круглое, глаза зеленые, зубы белые, как жемчуг, и когда она смеялась во весь рот, то становилась очень хорошенькой.

И я молча, улыбнувшись про себя, ушла в дом.

8

Франсина явилась в Сент-Элуа через неделю после моего разговора с Ле Муаном. Вид у нее, надо признать, был неожиданно приличным для девицы, которая таскается по лесам за шуанами: чистая одежда, опрятный передник, аккуратно заштопанный в нескольких местах, новые сабо. Она даже была в головном уборе, принятом среди незамужних девушек в здешних краях. Ее чепец имел форму ракушки и низко опускался на лоб, охватывая его, как повязка, а по бокам открывая толстые завитки кос, уложенных, как улитки, за ушами.

– Здравствуйте, мадам, – сказала она приседая. – Ле Муан сказал, что вы знаете, зачем я пришла.

– Да, знаю, – ответила я. – Ты будешь помогать мне с рассадой.

Я не держала на нее зла, а даже, напротив, чувствовала радость при мысли, что получила помощницу.

Работы было столько, что я даже с такой работницей, как Франсина, не знала, за что хвататься. Селестэн целыми днями вместе с батраками Бельвина трудился над расчисткой земли под пашню. Они рубили, пилили, корчевали – занятие это каторжное. Из всех деревьев была оставлена только старая яблоня, менее всех пострадавшая от пожара и обещавшая плодоносить. Нужно было заготавливать дрова, а еще возвести новый хлев – уже не на скорую руку, а надолго. Кроме того, я хотела, чтобы из необтесанных огромных камней, в изобилии рассыпанных по долине, Селестэн сложил хижину, крытую соломой, и сделал очаг: таким образом, у нас была бы кухня, ибо в башне становилось слишком тесно. В этой же хижине можно было бы поселить и Франсину – так я планировала. Даже для Жанно и Шарло находились занятия: убирать огород, удалять оттуда камни и хворост, прошлогоднюю траву. Брике, добросовестно покончив с копчением и заслужив мою благодарность, занимался тем, что бродил по округе и воровал. Он никогда не возвращался с пустыми руками: приносил цыплят, кур, а однажды даже огромного петуха. На мой вопрос Брике ответил, что поймал его в лесу. Я знала, что он ворует у крестьян Сент-Уана, но закрывала на это глаза. В конце концов, сами эти крестьяне не проявляли особенной щедрости.

– Будь осторожен, – предупредила я Брике. – Они расправятся с тобой, если поймают. Лучше не делай этого.

– Гм, мадам, да ведь это все, что я умею.

Жанно, наблюдая за Брике, тоже становился трудноуправляемым, и удержать его дома было почти невозможно. Он очень подружился с Бертой, и отныне любимым его занятием было убежать на берег реки, где на вершинах старых осокорей чернели сорочьи гнезда, и собирать птичьи яйца.

Маргарита была у нас кухаркой: готовила бобовую похлебку, гречишные лепешки, иногда суп, тушеную капусту, жареную колбасу – копченое мясо у нас расходовалось крайне экономно.

Мы с Франсиной ухаживали за скотиной, мыли, стирали и, главным образом, готовились к весне. Много возни было с облюбованным мною картофелем. Я пустила в ход все купленные клубни, перебирала, проращивала, замачивала. В ящиках, кадках, любых доступных сосудах у нас была рассада – капусты, лука, сельдерея, огурцов, моркови, фасоли и еще всякой всячины. Отдельно мы намеревались высадить чечевицу, горох и бобы.

А когда наступала ночь и все в доме засыпало, я садилась к маленькой лампе, разворачивала журнал и записывала то, что получила в этот день от крестьян. Подношения были более чем скромные. Я все больше полагалась на собственные силы. Если бы мы возлагали надежды лишь на крестьян, то, наверное, всю жизнь жили бы впроголодь. В конце концов, подумала я, я перестану требовать у них еды и потребуую полотна, воска, мыла – того, в чем Сент-Элуа

нуждался особенно остро. И если еще раз встречу Ле Муана, обязательно попрошу повлиять на бретонцев. Да и отец Медар в этом деле может помочь...

Но в этот момент сон, как правило, овладевал мною, и я, впадая в полудрему, забывала твердо все решить, а завтра дела снова поглощали меня, и я снова никому не жаловалась.

9

– Кому это ты шьешь одежду? – ревниво спросил Жанно, наблюдая, как я крою полотно. – Мне?

– Нет, малыш, это для близняшек. Они растут так быстро, ты же знаешь, – ответила я беспечно, не обращая внимания на едва заметные враждебные нотки в голосе сына. – Разве ты не хочешь, чтобы твои сестры выглядели хорошенькими?

Жанно молча отошел от меня и заглянул в колыбельку. Девочкам было чуть больше четырех месяцев, и с тех пор, как я стала давать им наряду с коровьим молоком по маленькой ложке рыбьего жира, они заметно повеселели. Обе малышки уже удерживали головки, а Изабелла, более бойкая, даже могла, забавно лежа на животе, приподниматься, опираясь на ручки. Селестэн выстрогал для них три деревянные игрушки, я выкрасила их свекольным соком, и близняшки уже тянулись к ним ручонками, с явной любовью и интересом ко всему яркому.

Все любили этих ангелочков. Только Жанно, казалось, вовсе не разделял этого восторга.

Застыв рядом с колыбелькой близняшек, он с критическим выражением на лице подолгу внимал угуканию Вероники и Изабеллы, которые, подобно беззаботным пташкам, приветствовали таким образом жизнь, утверждая свое присутствие и довольство существованием.

– Бесполезные дурочки! – проворчал он тихо. – Бесполезные!

Я не придавала особого значения этому недовольству. Жанно просто ревнует. Но он уже достаточно вырос, чтобы самому преодолеть это.

– Их пора кормить, – сказала я вслух.

Патина давала мало молока, поэтому я не баловала им своим домашним: нужно было следить, чтобы молока было вдоволь для малышей. Я хотела, чтобы по крайней мере они не ощущали ни в чем нужды. Им и так с самого начала пришлось нелегко. Это чудо, что они такие пухленькие и здоровые.

Я как раз наливала молоко в рожок, когда ко мне подошел Жанно с чашкой в руке.

– Можно мне? – спросил он с некоторым напряжением в голосе. – Я тоже хочу.

Мне следовало тогда проявить большую чуткость, но, занятая приготовлением еды для малышей, я ответила не подумав, не глядя на Жанно:

– Тебе потом, мой дорогой, после девочек; я дам тебе молока, если оно останется.

Громкий всхлип заставил меня обернуться. Жанно стоял посреди комнаты, сжимая чашку в руке так, словно это был его злейший враг. Лицо его было искажено гневом, невыносимой обидой, явной злостью на меня. Испуганная, не ожидавшая такого поворота дела, я поднялась с места.

– Жанно, мальчик мой! – только и смогла произнести я.

Не дослушав, он с размаху грохнул чашкой об пол. Осколки полетели во все стороны. Потом повернулся, рванулся к выходу и выбежал, так хлопнув дверью, что у меня зазвенело в ушах.

– Жанно! – вскричала я, сердясь и недоумевая. – Вернись немедленно!

Он и не подумал вернуться.

Ошеломленная, я едва смогла как следует накормить Веронику и Изабеллу. Они, словно чувствуя мое настроение, капризничали и просились на руки как никогда; мне стоило больших усилий их убаюкать. Потом они уснули, и я уложила их в колыбель.

Поступок Жанно не выходил у меня из головы. Мой сын был неправ, но в то же время он был совершенно искренне обижен, даже оскорблен тем, как я поступила. Я опрометчиво полагала, что он все понимает. Понимает, что малышки намного меньше и слабее его и что долг всех нас – заботиться о них, слабых и беспомощных, отдавать им все лучшее, в том числе и это злосчастное молоко. А Жанно, оказывается, не понимал. Он был совсем еще малыш,

мальчик восьми лет, который любил меня и ревновал, который до сей поры был один в моем сердце, а с появлением девочек неожиданно оказался вытесненным, – по крайней мере, так он полагал. Но ведь я любила его, как и прежде.

Я выбежала из дома, горя желанием поскорее разыскать сына. Как бы он не задумал какой-нибудь глупости! Честное слово, эта его вспыльчивость – фамильная черта де Ла Тре-муйлей – может сыграть с ним дурную шутку.

– Ах, вот ты где!

Я разыскала Жанно среди валунов, сваленных у старой яблони, и, облегченно вздыхая, села рядом. Он отвернулся, уткнувшись лицом в колени.

– Ну, чем ты обижен, мой мальчик? – произнесла я нежно, касаясь пальцами спутанных черных волос ребенка. – Ведь я люблю тебя, Жанно.

Он передернул плечами, пытаясь увернуться.

– Ответь мне, – сказала я. – Что ты думаешь?

Он молчал, упрямо сдвинув брови.

– Так ты еще совсем малыш, Жанно! Я думала, ты мужчина и знаешь, как следует поступать. Хорошо, раз ты малыш, я буду любить тебя так, как малыша: буду баюкать, как Изабеллу и Веронику, буду поить из рожка, чтобы ты больше ни на что не обижался...

– Ага! Ты еще и насмехаешься!

Я заметила, что плечи его вздрагивают, и он едва одерживает рыдания, причем это дается ему явно нелегко. У меня сердце облилось кровью: я и не подозревала, что горе Жанно так сильно!

– Жан Анри, мальчик мой дорогой!

Я потянулась к нему, прижала к себе его темноволосую голову, заглянула в искаженное обидой личико.

– Скажи же, Жанно, не молчи! Что тебя мучает? Неужели ты так не любишь сестричек?

– Не люблю! – пробормотал он сквозь слезы.

– Но почему, почему? Они ведь такие славные и ничего не сделали тебе дурного!

Жанно не выдержал и расплакался, прижавшись лицом к моему плечу: я видела, что ему стыдно за свои слезы, но не плакать было выше его сил.

– Неужели тебе не хватает меня? Зачем тебе столько хлопот со всеми этими детьми? – проговорил он, заикаясь, прямо мне в плечо. – Р-раньше я был один, а теперь эти девочки заняли мое место!

Я заглянула ему в лицо, нежно поцеловала заплаканные синие глаза мальчугана.

– Милый мой малыш, ведь ты появился у меня раньше их. Никто не займет твое место. Никогда!

– Да, но теперь ты только ими и занимаешься. С ними болтаешь, их баюкаешь.

– Неправда, я и с тобой болтаю, и тебя баюкаю.

Я не могла допустить, чтобы Жанно чувствовал себя ущемленным. В этот день мы долго разговаривали; когда Жанно успокоился, я стала рассказывать ему, как слабы и малы его сестренки, как они нуждаются в защите и помощи от всех нас, в том числе и от такого настоящего мужчины, как Жанно.

Втайне я еще раз укорила себя за то, что была недостаточно чуткой. Жанно много чего вытерпел в приюте и стал очень раним. И как раз в тот момент, когда он больше всего нуждался в моем внимании, я совсем его забросила!

– Ты не будешь больше скрывать свои чувства, правда, Жанно? Если ты чем-то обижен, приходи и сразу же скажи мне, мы вместе во всем разберемся! Ведь ты доверяешь мне, сынок?

– Да, – пробормотал он, утирая слезы.

– Ну, а я люблю тебя очень сильно, мое сокровище.

И все-таки несмотря на этот разговор, я чувствовала, что следует чем-то увлечь, занять Жанно, чтобы он не погружался во все эти размышления. Его лазанье по сорочьим гнездам мне не очень нравилось.

Когда к нам в очередной раз заглянул отец Медар, с которым наше семейство явно подружилось, я спросила, не сможет ли он серьезно заняться образованием Жанно.

– Сколько лет вашему сыну, сударыня? – спросил отец Медар. Он был старше меня всего на три года и никак не мог привыкнуть называть меня «дочь моя».

– Восемь, святой отец, почти восемь.

– И что, он умеет что-нибудь?

– В приюте его научили читать и писать, но на этом все и закончилось.

Я знала, что у самого отца Медара образование превосходное: еще при Старом порядке он закончил коллеж ораторианцев, а потом духовную академию в самом Ватикане. Он знал четыре языка помимо греческого и латыни.

– Я охотно буду учить его, сударыня, если только он станет приходить ко мне в часовню. Кстати, вы могли бы посылать и Шарля – ведь он, кажется, сын покойного виконта де Крессэ?

– Да, – отвечала я, слегка покраснев.

– Ему уже пора готовиться к первому причастию.

– А Авроре, святой отец? Ей летом будет тринадцать.

– Я полагаю, вы правы. С девочкой тоже надо поспешить.

Я нерешительно взглянула на священника.

– Святой отец, вы... вы, вероятно, потребуете плату за свои услуги?

Он улыбнулся уголками красивого рта и, останавливая меня, махнул в воздухе тонкой белой рукой.

– Господь с вами, сударыня! Я всего лишь бедный служитель Божий, но, честно говоря, я не так беден, как вы.

Я замолчала. Личность отца Медара оставалась для меня загадочной. Он вел себя просто, непринужденно и вежливо, ни на что не претендуя, в иные моменты даже старался казаться проще, чем был. Но в то же время его влияние на шуанов, даже при их религиозности, выглядело необъяснимо сильным. Можно было подумать, что предводитель шуанерии в Гравельском лесу – не Ле Муан, а отец Медар. А его холеный вид, отличная одежда, всегда безупречная сутана? А кольца на пальцах? Неужели ему, одному из Говэнов, удалось сохранить что-то из фамильного богатства? И это в то время, когда все бретонские дворяне сплошь и рядом стали нищими?

Я не знала, какие выводы следует делать из этого. Но на всякий случай решила держаться с отцом Медаром поосторожнее. Он мог оказаться гораздо большей фигурой, чем я думала.

10

Я была рядом, внимательно наблюдая. Плуг легко, как в масло, входил в землю, откидывал в сторону жирные пласты, – Селестэн, казалось, не прилагал к этому никаких усилий. За плугом тянулась борозда. Когда Селестэн сменил плуг на борону, я запустила руку в корзину, набрала пригоршню гречихи – мелких сухих трехгранных орешков, и стала разбрасывать их – сеять.

Половина моей земли уже была засеяна овсом и пшеницей. Теперь, когда стало совсем тепло, очередь дошла до гречихи – растения, из которого в Бретани делали буквально все. От Нанта до Бреста весной розовели бескрайние поля гречихи.

Все складывалось настолько обнадеживающе, что я даже иногда волновалась, как бы дела не изменились к худшему. Сейчас были первые числа марта, но весна вступила в свои права еще в начале февраля и началась слаженно, бурно, с теплых обильных ливней. Земля быстро подсохла, и вот уже почти месяц мы были в поле.

Мои пять арпанов, отвоєванные у Бельвина, были засеяны овсом, пшеницей и гречихой, на пойменных лугах, пусть небольших, но удачно расположенных, обещала отлично расти трава, парк был расчищен под огород и сад, и теперь предстояло лишь вовремя засеять и высадить рассаду. Патина с каждым днем давала все больше молока, которого хватало уже не только Веронике и Изабелле, но и всем остальным и даже оставалось иногда на сыр и масло. Жили мы, правда, не так уж сытно, но впереди были самые радужные перспективы. Работать приходилось много, и пальцы у меня на руках потемнели, но, в конце концов, игра стоила свеч. Я не знала, откуда у меня в душе иногда появлялось легкое тревожное предчувствие, что наше нынешнее полублагополучие – зыбко и ненадежно.

– С гречихой закончено, – сказала я вечером Селестэну. – Завтра займешься колодцем, его надо почистить.

Селестэн был незаменимый работник – выносливый, безотказный и, что самое главное, энергичный и сообразительный. Благодаря его рукам были засеяны земли, выкорчеваны деревья, нарублены дрова – он брал на себя самую тяжелую, мужскую работу. Он же сложил из камней хижину под кухню, построил хлев.

– А с мельницы Бельвина вам приносили вчера доход? – спросил Селестэн.

– Да. Каких-то три ливра пятнадцать су...

Нашу мельницу, вытребованную у Бельвина, мне пришлось очень скоро отдать ему обратно, ибо у меня не было человека, который бы ею занимался. Теперь мы владели ею на пару, и я получала – якобы – половину доходов, очень подозревая, что Бельвинь меня надувает. У меня не было времени, чтобы разобраться с этим. С хлебопекарней дело обстояло лучше: я поставила там Брике в качестве наблюдателя, и он следил, чтобы меня не обманывали.

Когда вечером я вернулась с поля, Франсина все еще сидела на корточках на земле, высаживая рассаду. Редис, шпинат, укроп – все это было уже посеяно.

– Идите-ка поглядите, мадам, что нашла мадемуазель Аврора! – произнесла Франсина, оборачиваясь и утирая пот со лба.

– Да, мама, иди, иди! – воскликнула Аврора.

Я подошла ближе. Из черной рыхлой земли торчали молодые упругие розово-красные кустики с сильными и сочными побегами.

– Они ведь сами выросли, мама, мы их не сажали! И так яблоками пахнут!

– Это ревень, – проговорила я. – Это ревень, Аврора!

Я насчитала почти десять кустов. А сколько их еще появится? Благодаря ревеню у нас будет чудесная пища из его черенков; компот, варенье, а сок из ревеня будет так полезен

малышкам! Я знала, откуда взялось это растение. Когда еще замок существовал, под окнами кухни были целые заросли ревеневых кустов. Их пощадил пожар, и вот они проросли снова...

– Моя дорогая, его уже пора собирать, – сказала я.

Аврора бросала крепкие розово-красные черенки мне в фартук, и они одуряюще-сладко пахли яблоками. Пожалуй, даже сильнее, чем яблоки. Нам обеим захотелось есть.

Да, подумала я, похоже, весна благоприятствует мне. Не было ни заморозков, ни холодных ветров, тепло наступало бурно и неудержимо, и март, пожалуй, можно спутать с маем. Небо – чистое, прозрачное, голубовато-серое – было покрыто кучками белых облаков, курчавых, как барашки. Уже повсюду – в лесах и в долине – по краям тропинок появлялись белоснежные первоцветы и желтые маленькие крокусы. Дикие гуси и утки, возвратившись с южных краев, уже обильно заселяли камышовые заросли и уютные тихие заводи бретонских мелких речушек. Дождей выпадало ровно столько, чтобы насытить землю после теплой, но бесснежной зимы.

Такое начало обещало хороший урожай. Мне, кажется, не о чем было волноваться.

11

Жара стояла нестерпимая. Воздух был совершенно неподвижен и, казалось, становился густым от духоты. В башне находиться было почти невозможно, но и в саду недавно посаженные юные деревца давали не так уж много тени.

Было очень приятно и легко стоять босыми ногами на траве, ощущая ступнями и теплоту земли, и вместе с тем исходящую от нее прохладу. Я была только в одной юбке, подоткнутой до колен, и кофточке, напоминающей лиф, волосы очень туго собрала на затылке, и все равно мне было жарко. Испарина то и дело выступала на лбу.

Был конец мая. Изабелла и Вероника, забавные, хорошенькие, уже почти восьмимесячные, плескались в большом медном тазу, глубоком, как ванночка; я осторожно приподнимала то одну, то другую малышку и обливала водой из кувшина – теплой, как и все вокруг.

– Мама! Ма-ма!.. – лепетали они безмятежно и доверчиво. Уже полтора месяца, как они произносили это слово, умели говорить и другие слоги, но больше пели и гулили, оглядываясь друг на друга. Дружны они были чрезвычайно. Да и отличить их нельзя – почти все их путали. У обеих были серые огромные глаза, милые розовые личики и ярко-золотистые кудряшки – яркостью они даже превосходили мои волосы. У Вероники цвет лица был чуть золотистей, чем у Изабеллы, и, если не считать родинки – своеобразного опознавательного знака, девчушки были неотличимы друг от друга.

Изабелла, более непоседливая, вскарабкалась на ножки, потом, держась ручками за края тазика, гордо встала во весь рост – она необыкновенно гордилась этим своим умением, которым Вероника еще не вполне овладела и только подражала сестренке. Но на этот раз лицо Изабеллы было недовольно, и она срыгнула воду, которой только что наглоталась. Смеясь, я утерла ей лицо.

Вероника, ревниво следившая за действиями сестры, потянулась было следом за ней, но не устояла и подалась назад, увлекая за собой Изабеллу, и обе они шлепнулись в воду, подняв кучу брызг. Испуганная этим, с яблони слетела крошечная птичка, и глаза близняшек устремились к ней.

– Ку-ку! Ку-ку! – лепетала Вероника, махая ручонкой.

Я смотрела на них, испытывая непреодолимое желание расцеловать, сжать в объятиях. Боже, как я раньше жила без них? Они были такие милые, смешные, забавные, так доверчиво улыбались мне и явно предпочитали меня всем остальным домочадцам. Какое чудо, что при нашей бедности они растут такими улыбочивыми, радостными и пухленькими. Ну что за прелестные у них ручки – словно ниточкой у запястий перевязанные!..

Я оглянулась, ища глазами Жанно. Минуту назад он сидел на ограде, болтая с Бертой Бельвинь, своей неразлучной подругой, а теперь я увидела их обоих у старой яблони, в семи туазах от меня.

Берта кивнула в сторону тяжелой виноградной лозы, которая свисала с дерева, как веревка от качелей, перекинутая через сук.

– Покачаемся? – предложила Берта.

– А если лозу оборвем, тогда что? – спросил Жанно.

– Выдержит. Знаешь, виноградные лозы какие крепкие! Смотри, как она дерево стиснула!

Мне не очень понравилась забава, которую предлагала Берта, но я не вмешивалась. Я ведь каждый день твержу Жанно, что он должен быть мужчиной, так что не следует дергать и наставлять его ежеминутно. Лоза росла у самых корней яблони и взбиралась вверх по ее стволу. Летом можно будет нарвать одновременно и винограду и яблок.

– Первым качаюсь я! – сказал Жанно торопливо.

– Нет, я! – заспорила Берта.

– Нет, я! Когда спорили, кто раньше прибежит, я прибежал раньше, теперь я первый покачаюсь!

– А я тебе тогда пирогов не дам! – заявила Берта.

– Ну и ладно!

Жанно залез на сук, с которого петлей свешивалась лоза, взялся за лозу обеими руками, уселся в петлю и начал раскачиваться. Лоза закричала, и с нее посыпались сухие листья. Жанно раскачался сильнее. Я с тревогой следила за ним, едва удерживаясь, чтобы не одернуть и не остановить, и лишь изредка поглядывая на близняшек, беспечно плескавших ручками по воде.

– Прыгай вниз, хватит, теперь моя очередь! – ныла Берта.

Жанно еще немного покачался и прыгнул вниз, Берта забралась на лозу. Она тоже сначала повисла на лозе, потом нащупала ногами опору, встала во весь рост и начала изо всех сил раскачиваться. Лоза ужасно скрипела. Жанно стало страшно, и он закричал:

– Потихе, Берта, потихе! Оборвешь лозу!

– Не оборву! – весело отозвалась Берта. – Я сильнее тебя качаюсь, гляди! Хочешь, до той высокой ветки достану?

Жанно действительно не мог достать ее на качелях, сколько ни старался. Поэтому он проворчал:

– Достань, хвастунишка!

«Какое безрассудство», – подумала я. Девочку надо было бы остановить, но я не могла бросить в воде дочерей. К тому же, нельзя было не признать, что с тех пор, как Жанно сошел с лозы, беспокойство мое сильно уменьшилось.

Берта раскачалась сильнее. Р-раз! Еще раз! Еще! Безуспешно.

На четвертый раз Берта сумела ухватиться рукой за ветку. С радостным криком обломала она ее кончик, но в тот самый миг взлетела высоко в воздух, и я увидела, что она падает. Жанно в ужасе расставил руки, чтобы ее поймать, и сделал шаг в ее сторону. Берта хлопнулась прямо в его объятия, и они покатались по земле. Отшвырнуло их сильно, и каким-то чудом они оба не разбили головы насмерть о высокий камень ограды. Они встали, перемазанные кровью, в пыли и слезах.

Я сама не помнила, как позвала на помощь Аврору и оставила малышей на ее попечение. Жанно и Берта брели ко мне, вытирая слезы и явно предчувствуя нагоняй. Я бросилась к ним.

– Это он меня притащил сюда! – плача, обвинила Жанно Берта. – Я не хотела. Я траву резала для коровы!

– А кто придумал на лозе качаться? – огрызнулся Жанно.

Быстро и лихорадочно я ощупывала сына. Он все-таки ударился о камень, но не так сильно, как Берта, у которой голова была разбита в кровь. К счастью, оба они были живы. Только Жанно с гримасой боли протянул мне руку.

– Очень болит, ма!

Рука у него будто обвисла где-то между запястьем и локтем. У меня холодок пробежал по спине. Что это у него – перелом?

– Брике, сейчас же к отцу Медару в часовню! – крикнула я. Посылать за врачом в Лориан было бы слишком долго, к тому же я знала, что отец Медар, немного изучавший медицину, знает, как справляться с ушибами и переломами.

Брике, натянув башмаки, уже перемахнул через забор.

– Быстрее, как можно быстрее! – крикнула я ему вслед. Берта рыдала навзрыд, размазывая слезы и кровь по грязному личику. Жанно стоял, сжав зубы и изредка постанывая. У меня не было сейчас сил бранить его за тот злосчастный поступок.

– А что со мной сделает отец Медар, ма? – с тревогой пробормотал он.

Не отвечая, я увела их в дом, обмыла ссадины на голове у обоих. У Берты была большая рана, и я наложила ей повязку из полотна. По правде говоря, я была готова отлупить эту девчонку. Это из-за нее все случилось, именно ее Жанно удерживал. Если бы она не плюхнулась в его руки, то непременно убилась бы. И зачем мне такие напасти от семейства Бельвина?!

– Все, – сказала я жестко, когда закончила возиться с ней. – Берта, немедленно уходи домой. Пусть твой отец позаботится о тебе.

Она зарыдала еще громче.

– Ага, а меня теперь накажут! – пискнула она по-бретонски.

– Это не мое дело. Ты нам всем надоела, Берта. Уходи сейчас же!

Она медленно поплелась к выходу. Жанно бросил на меня укоризненный взгляд.

– Это же моя подруга, ма!

– Мне это безразлично! – вскричала я разгневанно. – По ее милости у тебя сломана рука!

Не хватало мне в один прекрасный день лишиться сына из-за глупостей Берты Бельвина. Я решила сразу же, как представится возможность, рассказать Жанно, как поступил с нами ее отец. Мне казалось, это отвлечет моего сына от такой дружбы.

И в то же время, поразмыслив, я поняла, что было бы неверно как-то наказывать Жанно за этот поступок. Наказание только тогда имеет смысл, когда была вина. Но разве можно обвинять мальчика в том, что он бросился на выручку Берте?

Отец Медар, пришедший по зову Брике, сразу определил у Жанно перелом. Результат детской шалости был печален: мальчику придется целых два месяца носить руку в лубке. Прощай теперь лазанье по деревьям, купание в реке и прочие забавы.

– И завтра я могу остаться дома? – спросил Жанно, кривясь от боли.

– Ничего подобного! – сердито ответила я. – Завтра ты, как всегда, пойдешь заниматься к отцу Медару!

– Но я же не смогу писать, ма!

– Ничего. Господин кюре найдет для тебя занятие.

В тот день я впервые за долгое время молилась Богу, прося его о том, чтоб у Жанно все было хорошо, чтобы перелом сросся легко и правильно и чтобы это никак не отразилось на будущем моего сына.

Если не считать этого неприятного инцидента, в Сент-Элуа все шло нормально. Даже Жак начинал понемногу разговаривать и приходить в себя после удара.

В огороде работы было невпроворот. Франсина помогала мне, и мы целыми днями пололи, прореживали ряды, удобряли, подвязывали, вбивали колышки, убирали камни и листву, собирали улиток, которые разводились в тени и портили растения. Салат, шпинат и редис мы собирали новые через каждые десять дней, и этого добра у нас было вдоволь. Картофель еще в апреле дал первые всходы. Сейчас в земле уже были клубни. Мы собрали зеленый лук и горошек – это было предметом моей особенной гордости. А гречиха в мае зацвела так душисто, что на ее запах слетались тучи пчел, и Селестэн вынес на поле два улья, чтобы зимой у нас был мед.

Теленок давно уже стал бычком, и месяца через три мы намеревались его зарезать. Приближалось время покоса, и как раз в тот период нам, а больше всего Селестэну, нужна будет сытная еда – мясо. Когда с бычком будет покончено, я намеревалась купить поросенка и парочку кролей, чтобы потом заняться их разведением.

И еще одно новшество появилось во дворе Сент-Элуа. 1 мая, когда мне исполнилось двадцать пять лет и мы устроили небольшой скромный праздник, отец Медар, как человек состоятельный и относящийся с неизменной дружбой к нашему семейству, преподнес мне в подарок вращающуюся маслобойку – в виде бочки с ручкой сбоку. Теперь мы без излишних трудностей могли взбивать сливки в масле и получать пахтанье, особенно полезное для близняшек и для веснушек Авроры, мило появлявшихся у нее на носу при первых жарких лучах солнца.

Предстояло прожить лето – жаркое, полное трудов и забот. Надо было работать, дважды скосить траву и заготовить сено, убрать урожай, обмолотить и перемолотить зерно, собрать овощи с огорода, заготовить ягоды и фрукты на зиму, сварить варенья... И только тогда спокойно опустить руки и с уверенностью ждать зимы.

12

Из Парижа вести приходили невеселые.

С тех пор как я уехала в Бретань, уклон вправо продолжался со все нарастающей скоростью, не превосходившей, впрочем, скорости падения в экономический хаос. Страну лихорадило ежедневное падение курса ассигнаций на несколько пунктов, товаров не было, все с надеждой ожидали следующего урожая, ибо в городах многие люди падали на улице от истощения. В Париже вместо хлеба домохозяйкам выдавали по семь унций риса на день, но почти ни у кого не было дров, чтобы сварить его и накормить голодных детей.

Между тем в Конвенте все было по-прежнему: одни депутаты преследовали других и требовали послать их на гильотину, строили козни, интриговали и за несколько тысяч ливров продавали Республику направо и налево. Франция была отдана на откуп банкирам, нуворишам, спекулянтам и поставщикам-жуликам.

«Праздник» по поводу годовщины казни Людовика XVI был объявлен, но отпраздновала его «золотая молодежь» по-своему. Мюскадены носили окровавленное чучело якобинца по улицам Парижа, потом сожгли его, а золу бросили в помойную яму на Монмартре. Гимн термидорианцев «Пробуждение народа» звучал все громче. Роялисты, открытые или тайные, случалось, бывали оправдываемы судом, а мюскадены с палками в руках избивали санкюлотов, принимавших участие в ужасах террора и казнях. Марат, а также несколько других «мучеников Свободы» были вынесены из Пантеона через четыре месяца после того, как были туда внесены, и теперь вместо хвалебных речей в его адрес в типографиях издавались книги типа «Преступления Жана Поля Марата», а на площади Карусель был разрушен памятник этому бесноватому.

Церкви были закрыты, и странный декадный культ Робеспьера по-прежнему официально сохранялся, но священникам и верующим уже разрешено было проводить богослужения в «помещениях, какие они смогут раздобыть». Воинствующих роялистов Бретани и Вандеи это, разумеется, не могло удовлетворить, но подобные решения ясно свидетельствовали о крене властей в правую сторону.

Террористы, выступившие 9 термидора против Робеспьера, были арестованы, и четверо из них – Барер, Билло-Варенн, Колло д'Эрбуа и старик Вадье – после недолгого судебного разбирательства отправлены на «сухую гильотину»: на каторгу в Гвиану. Зловещего Фукье-Тенвиля, общественного обвинителя при терроре, напротив, судили много месяцев, с соблюдением всех формальностей, которые сам он никогда не привык соблюдать. Благодаря его стараниям на гильотину были посланы тысячи невинных людей. Приговорили его, разумеется, к смерти.

Когда 6 мая 1795 года этого выроodka и еще пятнадцать бывших «судей» и присяжных везли к месту казни, собралась огромная толпа; каждый человек кричал, обращаясь к рябому свинцовогобому смертнику, сидящему на телеге: «Отдай мне моего мужа (сына, отца, брата)!» Фукье огрызнулся в ответ и твердил, что всем еще придется пожалеть о его смерти. Ходила мрачная легенда, что имя Фукье было внесено в тот бланк постановления о казни, который он сам подписал в бытность свою общественным обвинителем.

Травля террористов дошла до такой степени, что их уже убивали в тюрьмах, и местные власти не решались за них вступаться.

Впрочем, в Париже эти преступники попытались взбрыкнуть. Голод в Париже усилился с началом весны. Нормальным считался дневной рацион в одну четверть фунта. Террористы воспользовались отчаянием людей, доведенных до истощения, чтобы собирать их под свои знамена и сожалеть о том, что нет Робеспьера. Как у них и водится, мирными шествиями и петициями дело не ограничилось. Утром 1 апреля 1795 года зазвучал набат – казалось, снова

возвращаются обычаи и порядки революционных времен. Секции, верные террористам, восстали, с легкостью захватили Конвент, требуя мер против голода и возобновления террора. Выступление было успокоено с помощью уговоров и обещаний да с помощью ареста нескольких депутатов-якобинцев, подстрекающих толпу к непрерывным мятежам.

Но майское восстание санкюлотов было еще сильнее. Все Сент-Антуанское предместье двинулось на Конвент, навело на него пушки. Когда депутат Феро, пытающийся преградить санкюлотам вход в зал заседаний, стал на пороге, его убили и голову его подняли на пику – так, как это бывало раньше. Несколько долгих часов депутаты сидели, запертые в помещении и устрашаемые окровавленной головой своего коллеги. Только спустя два дня двадцатитысячная армия во главе с генералом Мену подавила восстание. Была создана военная комиссия, вынесшая 36 смертных приговоров. Аресту подверглись и несколько депутатов, так называемых последних монтаньяров, за то, что открыто примкнули к восставшим. Всех их ждала гильотина.

И через несколько дней, словно желая показать, что никакая сила не собьет его с дороги вправо, Конвент возвратил церкви верующим и аннулировал приговоры, вынесенные ранее Революционным трибуналом.

Политика «умиротворения» господствовала во всем. Видя крах своей идеологии, нынешние хозяева Франции искали выход и находили его в постепенном – о, очень постепенном! – и крайне осмотрительном возвращении к прошлому. На действия вандейцев смотрели сквозь пальцы и предпочитали удовлетворять их даже самые неприемлемые условия. Роялистским повстанцам нужно было выиграть время до высадки англичан и аристократов на побережье Бретани, и они с охотой продолжали переговоры.

Демонстрируя свою добрую волю, синие даже появлялись с вандейскими генералами в общественных местах. 12 февраля 1795 года произошло свидание эмиссаров Конвента с Шареттом, Корматеном и другими вождями Нижней Вандеи и Бокажа в Ла Жонэ, в палатке близ замка, расположенного в одном лье к юго-востоку от Нанта. Три дня спустя был подписан мирный договор, скрытый под видом трех постановлений о помиловании.

Условия договора были таковы. Всеобщая амнистия гарантировалась всем – и предводителям, и рядовым вандейцам, – все они были поставлены под защиту от любых расследований прошлого. Республика давала вандейцам пособия и вознаграждала за убытки, чтобы помочь им чинить дома и восстанавливать земледелие, торговлю. Все уроженцы Вандеи, как бежавшие патриоты, так и повстанцы, получали равное право на эти пособия. Был снят арест с секвестрированных в пользу Республики имуществ, даже если их владельцы были в списках эмигрантов. Повстанцы и их наследники вступили во владение своими поместьями или получали вознаграждение за те земли, что были проданы. Юноши освобождались от рекрутчины. Была установлена полная свобода совести даже для неприсягнувших священников.

Республика не только прощала своих врагов, она еще и платила им, не поскупившись выдать Шаретту двести тысяч ливров золотом, другим генералам – чуть меньше, но тоже значительные суммы. Чтобы отпраздновать соглашение, вандейцы с эмиссарами Конвента отправились в Нант, где был дан бал.

Шуаны тянули волюнку еще два месяца, и непримиримый Стоффле еще в марте сражался с республиканскими отрядами генерала Гоша. В Бретани главнокомандующим был граф де Пюизэ, но поскольку он сейчас вел какие-то дела с Англией, его заменил адъютант по имени Корматен. Синие любезно предоставили Корматену замок Ла Преваллэ близ Ренна. Здесь же 20 апреля 1795 года был заключен мир с синими, основанный на тех же условиях, что и прежний. Только Стоффле, ярый противник даже видимости примирения, не желал сдаваться. Даже покинутый своими помощниками – лейтенантами Бернье, Тротуэном, Брю, Куэдином, почти окруженный синим генералом Канкло, он продолжал сражаться, блуждал по лесам, потеряв и лошадей, и подводы, и оружие. Но в начале мая сдался и он.

Много разговоров ходило о неких тайных статьях, только благодаря которым удалось добиться согласия роялистов на мир. Эти тайные статьи содержали обещания синих восстановить монархию и возвести на трон Людовика XVII, содержащегося в Тампле. Итак, в июне 1795 года не было ничего невероятного в роялистской реставрации.

Надо ли говорить, что перемирие ничего не изменило. Шаретт не распускал свою армию, и все роялистские начальники были господами в своих районах. Синих продолжали убивать поодиночке. «Патриоты» не могли вернуться в дома. Более того, шуаны и вандейцы распространяли свое влияние на департаменты Сарта, Эйр, Ла-Манш, Кальвадос; это усиливало дезертирство среди голодных республиканских солдат. Используя перемирие как ловкий маневр, шуаны продолжали морить города голодом, а присвоенные Шареттом, Сапино и Стоффле двадцать миллионов из секретного фонда позволили начать широкие закупки оружия в Англии. Огонь войны тлел под пеплом. Уже одно то, что в вандейских и бретонских деревнях принимались деньги только с изображением Луи XVI, говорило, кто тут подлинный хозяин.

В Париже тоже усиливался роялистский дух. Роялистские газеты множились одна за другой. Куплеты Анжа Питу, поэта на службе у графа Прованского, производили фурор. Резкие перемены происходили в общественном мнении. Власти Конвента не доверяли, как не доверяют открытым мошенникам и ворами.

Роялистская партия казалась очень сильной. Она завоевала весь запад, почти все города, она господствовала на юге и в долине Роны; Лион, по словам самих эmissаров Конвента, был всецело роялистским. Деревни Луары, Верхней Луары, Лозеры, Аверона встали на сторону короля. Охлаждение к правительству все увеличивалось даже в северо-восточных департаментах. Роялизм проникал в правительственные комитеты: ходило множество слухов, что такие депутаты, бывшие якобинцы, как Тальен, Орби, Кадрой, Ларивьер, Лакретель, Буасси д'Англа, Камбасерес, не прочь пожертвовать Республикой в пользу короля, если только им хорошо за это заплатят и пообещают забыть все грехи прошлого, в частности – голосование за казнь Луи XVI.

Но 8 июня 1795 года появилось сообщение, что в Тампле умер десятилетний дофин Шарль Луи которого называли также королем Людовиком XVII.

Это событие потрясло роялистов. И до этого было известно, как издевались над принцем, каким изощренным пыткам подвергали ребенка, калеча его душу. Отданный на воспитание к сапожнику Симону, который едва знал несколько букв, он был вынужден по приказу своего «воспитателя» петь «Марсельезу» и «Карманьолу», называть своего отца «рогоносцем» и «глупцом», а мать, Марию Антуанетту, – «австрийской шлюхой с трехэтажной утробой». Сапожник бил его колодкой и заставлял напиваться. Потом, после казни Робеспьера, дофина вернули в Тампль, где он и умер. Отныне из всего несчастного королевского семейства осталась только принцесса Мари Тереза Шарлотта, шестнадцатилетняя дофина.

Отныне между Конвентом и роялистами пролегла смерть ребенка. Бывший регент граф Прованский, ставший теперь королем Людовиком XVIII, королем в изгнании, в своем обращении к французскому народу обещал отомстить за смерть брата, беспощадно карая цареубийц. Разумеется, это оттолкнуло от него тех депутатов Конвента, которые в 1793 году голосовали за казнь Луи XVI, а теперь склонялись к роялизму. Они вновь стали республиканцами, твердыми и непреклонными в своих убеждениях.

В ответ на известие о смерти Луи XVII Вандея и Бретань восстали.

Давно и той, и другой стороне было ясно, что заключенное перемирие недолговечно. Синие догадывались, что белые просто водят их за нос, выигрывая время. С весной наступили и часы больших приливов, что было очень хорошо для эмигрантов, собирающихся высадиться на побережье. Именно шуан Корматен, а не синие управлял всей Бретанью из замка Ла Преваллэ, распоряжался, раздавал паспорта и поощрял дезертирство в рядах республиканских солдат. Когда политика шуанов стала совершенно откровенной, у синих закончилось тер-

пение. 25 мая были расклеены приказы об аресте Корматена, Солилака, Жарри и других. В ответ шуаны Морбигана тотчас взяли за оружие. За ними поднялась вся Бретань. Начались военные действия.

Только граф де Шаретт еще некоторое время ничего не предпринимал, отвлекая внимание синих. Он ожидал, чтобы экспедиция эмигрантов, отплывшая с эскадрой адмирала Уоррена, показалась у побережья Бретани. Когда это случилось, 25 июня он тоже нарушил перемирие, внезапно напав на республиканский сторожевой пост. После этого в воззвании к вандейцам он объявил, что синие отравили дофина, чтобы не надо было выполнять обещание возвести его на трон, которое они ему дали.

23 июня 1795 года английский адмирал Уоррен разбил в открытом море у Одьерна французский флот адмирала Вилларе-Жуайёза и открыл проход для флотилии из пятидесяти судов, которая везла шуанам обещанные подкрепления.

Близилась решительная схватка.

13

Было бы ошибкой думать, что жизнь, которую я теперь вела, очень быстро стала для меня легка и привычна. Скорее можно было бы сказать, что не было ничего для меня более непривычного, чем то, чем я сейчас занималась. Ни по воспитанию, ни по складу характера я, пожалуй, не была создана для деревни, огорода, хозяйства. Иногда все это было мне даже противно. Но сейчас, когда пришло лето, я вдруг с изумлением стала ощущать неожиданную гордость за то, что обычно называют «плодом своих рук».

За двор, такой чистый и выметенный. За порядок в доме. За сытых детей. За ухоженную Патину. За целые фунты отличной молодой картошки, золотистых клубней лука, выращенных и собранных моими руками. Сенокос уже миновал, с наших чудесных заливных лугов мы скосили очень много сочного мятлика, тимopheевки, клевера – лучших кормовых трав. Конечно, их скосил Селестэн, но я и за него испытывала какие-то удовольствие и гордость.

Я сидела на берегу ручья, разувшись и с наслаждением поставив босые ступни на траву. Над заводью возвышался гигантский дуб, протянувший по песку могучие корни к самому ручью. У берега из воды, переливающейся на солнце всеми оттенками синей гаммы, выступали огромные серые валуны. Было очень тепло. Травы снова вырастали прямо на глазах, и в воздухе витали мягкие запахи свежих молодых растений, ковыля и еще... еще земляники, аккуратно сложенной в мою корзину. Ягоды благоухали так соблазнительно, что я потянулась за ними и положила несколько себе в рот.

Я собрала их в лесу. Они имели восхитительный сладкий вкус, лесной и свежий.

«Хоть бы все было спокойно, – подумала я, закрывая глаза. – Хоть бы не было больше напастей, крови. И войны. Будь прокляты все войны на свете».

– Добрый день, сударыня.

Еще не открывая глаз, я узнала голос отца Медара. Я передернула плечами, потом не спеша обулась.

– Я был у вас дома. Жан сказал, что вы ушли в лес.

– Да. Я остановилась здесь, чтобы подумать.

– Вы позволите сесть рядом с вами?

Я кивнула. Несмотря на то, что мне так хорошо было одной, я не могла отказать священнику. Это благодаря ему рука Жанно уже почти срослась. Да и вообще, отец Медар был отличный собеседник. Я видела в нем друга, приятеля, и именно поэтому никогда не говорила ему правды на исповеди. Что-то мешало мне. Он, вероятно, об этом догадывался.

– Ле Муан через несколько дней отправляется с отрядом к мысу Киберон, – произнес он задумчиво.

– Зачем?

– Там, вероятнее всего, произойдет высадка королевской армии и англичан. Шуаны должны присоединиться к ним.

– И вы думаете, крестьяне согласятся уйти так далеко от деревни?

– Кто знает, кто знает...

Я протянула ему на ладони. несколько ягод земляники Он взял, кивком поблагодарил меня, а потом вдруг произнес:

– Что бы вы сказали, сударыня, если бы я попросил вас спрятать на время у себя в Сент-Элуа партию английского оружия?

Земляника застряла у меня в горле. Я уже и забыла обещание, данное Ле Муану, да и больше всего на свете сейчас я боялась быть во что-то замешанной. Конечно, я на стороне белых. Но, видит Бог, я слишком хорошо знаю, что такое республиканские тюрьмы, и ни за что не хотела бы оказаться там снова.

– Вы... вы полагаете, что мой несчастный замок – именно то, что вам нужно? – пробормотала я в замешательстве.

Священник снял шляпу, откинул назад белокурые волосы. Лицо его было задумчиво и меланхолично.

– Это всего лишь несколько дней, сударыня. Потом за ним явятся шуаны из Морбигана.

– Да, но если здесь вдруг появится какой-нибудь летучий отряд синих? Они снова сожгут Сент-Элуа, а меня пристрелят!

– Если они появятся, мы разобьем их.

Он взглянул на меня и мягко добавил:

– Нам никак не обойтись без вас, Сюзанна, поймите это. У вас много счетов с революцией. Почему бы вам не поквитаться?

– Вы думаете, – спросила я, уже почти сдавшись, – что мой отец позволил бы мне в это вмешиваться? Сомневаюсь.

– Увы, вашего отца нет. Если бы он был, мы бы и не подумали вас тревожить. Он сам был бы нашим предводителем и решал бы все вопросы.

Я только позже поняла, что меня так удивило и смягчило в его словах. Он впервые назвал меня Сюзанной, назвал как друг. Честное слово, дружба меня к чему-то обязывала.

И уже почти согласившись, я подумала: «Надо же! Именно так всегда и получается. Война вторгается в мою жизнь как раз тогда, когда я меньше всего этого желаю. И ожидаю. Когда этому будет конец?»

В полночь, замирая от страха, я следила, как шуаны переносили английские ружья в мой погреб, маскировали их бочками с солониной. Конечно, уверяла я себя, ничего не случится. Уже много месяцев я не видела в этих краях ни одного синего.

И все-таки, подумала я, как странно, что эту операцию осуществляет отец Медар – священник, католик, христианин, которому прекрасно известно, что убийство относится к числу смертных грехов.

Глава вторая

«Сюзанна – звезда морей»

1

– Нет, мадам, все это мне не нравится, – ворчала Маргарита, готовя начинку из айвы для пирога. – Вот вы все на одну себя полагаетесь, а я на вашем бы месте совсем иначе поступила. Времена, кажется, меняются. И совсем неплохо было бы вам выйти замуж. Сколько аристократов возвратилось из эмиграции! Вот я слышала, что младший де Фонтенэ вернулся в свое поместье. Ведь это в трех лье от нас, совсем близко... Почему бы вам не познакомиться с ним?

– Да ведь мы знакомы. Просто он не заезжает сюда. А если заедет, я с радостью с ним поговорю – как соседка.

Я месила тесто и слушала болтовню Маргариты.

– Ты считаешь, я плохо справляюсь одна?

– Нет. Но разве нужно вам это? С мужем дела бы у вас зашпорились. Женщина должна быть замужем.

Я пожала плечами.

– Вряд ли кто-то захочет жениться на мне, Маргарита, я слишком бедна. К тому же у меня трое детей. Да и это не имеет значения, потому что я сама не хочу замуж. Во-первых, мне правится быть свободной, когда никто меня не стесняет, а во-вторых, ты же знаешь, что для меня только принц, граф или герцог может быть впору, – на меньшее я не согласна...

Маргарита видела, что я говорю с ней не совсем серьезно, и с ворчанием оставила свои попытки. Мы продолжали работу, углубившись каждая в свои мысли.

Замужество? Мне становилось тошно при одной только мысли о мужчинах. Да, о мужчинах вообще. Родильная горячка, после которой я едва не умерла, казалось, выжгла из меня вообще все женское. Внутри у меня все будто умерло, погасло. Вероника и Изабелла, болезнь, унижительный разрыв с Клавьером – все это стоило мне слишком дорого, чтобы я захотела еще раз броситься в ад, именуемый любовью. Да и есть ли она, эта любовь? Я усмехнулась, подсыпая муки в тесто. Меня никто не любил. Мною пользовались – это было. Со мной развлекались – это тоже было. Заключали пари, в которых я была главным призом. Куклой, игрушкой, шлюхой – кем угодно была я, только не человеком.

Может быть, подумала я, когда пройдет год или два, я немного оттаю, но и это еще не известно, да и пойдет ли такое оттаивание мне на пользу? Мне так хорошо сейчас, летом, в Бретани, среди этих изумрудных лугов, сосновых и дубовых лесов, в своем доме, в окружении своих детей... Тут, по крайней мере, я была хозяйкой.

Скрипнула дверь.

– Вы позволите?

Я увидела отца Медара и улыбнулась в ответ на его приветствие. Меня удивил его наряд: не обычная сутана, а сюртук, португез, шляпа и сапоги, сплошь забрызганные грязью.

– Я только что с моря, сударыня, – пояснил он поспешно. – У меня к вам очень серьезный разговор.

Я попросила его подождать, пока я поставлю айвовый пирог в печь. Лихорадочная дрожь охватила меня: я подумала, что речь снова пойдет об оружии. Маргарита вышла, но я знала, что она подслушивает за дверью, и не препятствовала этому.

Я вытерла руки и встревоженно присела к столу.

– Что вы скажете, отец Медар?

– У меня две новости для вас: одна, по правде говоря, ужасна, вторая, может быть, приятна. Выбирайте, какую вы хотите услышать первой.

Он был искренне удручен, на его обычно бледном лице выступил легкий румянец. Я призвала на помощь все свои силы. Дурных новостей давно не было – надо было ожидать, что они появятся.

– Хотите стаканчик яблочного сидра, отец Медар?

– Да, – ответил он, мельком взглянув на меня. – Вы удивительно спокойны, сударыня. Какую новость вы предпочитаете?

– Первой – дурную, – сказала я, наливая ему сидр.

И тогда он рассказал мне о разгроме белых на мысе Киберон.

Десантом аристократов, высадившихся на побережье Бретани, командовали д'Эрвильи и Пюизэ, не ладившие между собой. Давно задуманная экспедиция вначале шла очень удачно: 25 июня 1795 года под прикрытием английского флота в Карнакской бухте высадились четыре с половиной тысячи эмигрантов и солдат. Чуть позже подошло и несколько тысяч шуанов, предупрежденных о высадке заранее. Город Орэ был взят без затруднений. Экспедицию сопровождал епископ Дольский, назначенный папским наместником на всю Бретань.

Но и синие не были застигнуты врасплох. Генерал Гош в это время был в Ванне и, узнав о высадке, созвал к себе подкрепления со всей Бретани. Эмигранты не взяли Ванна и отступили на полуостров Киберон, овладев фортом Пантьевр, господствовавшим над узким проходом перешейка, соединяющего его с материком.

30 июня Гош, у которого сил было в три раза больше, отнял Орэ, а затем выстроил перед фортом Пантьевр на утесе, нависавшем над морским берегом, длинное укрепление в семьсот туазов, вооруженное пушками и редутами по бокам, чтобы лишить эмигрантов возможности отступить. Аристократы тем временем ждали прибытия второй военной бригады из Англии. Бригадой командовал двадцативосьмилетний герцог де Сомбрейль. Он прибыл в Пантьевр 15 июля, привезя с собой две тысячи подкрепления.

Сразу после его прибытия д'Эрвильи и Пюизэ дали приказ наступать на республиканскую линию окопов, предприняв в то же время диверсионные атаки на фланги при помощи высаженных ими отрядов. Гош открыл огонь из батарей. Д'Эрвильи был тяжело ранен. После тяжелых потерь эмигрантам – их была всего горстка по сравнению с синей армией – пришлось отступить.

16 июля синие подошли к самому форту. Из Парижа прибыли эмиссары Конвента Блад и Тальен. От двух перебежчиков Гош узнал о расположении защитных укреплений крепости. И в бурную ночь, когда небо было покрыто тучами и море бушевало, что заставило английские канонерки удалиться от берега, Гош послал отряд под руководством двух дезертиров для нападения. Отряд бесшумно прошел тайной тропинкой до самого бруствера, и изменники впустили синих. Пантьевр был взят почти без боя.

Положение эмигрантов осложнялось тем, что шуаны, по своей воле пришедшие, чтобы помочь, привели, по своему обыкновению, около четырех тысяч жен и детей, которые теперь находились в военном лагере. Чтобы спасти их жизни, эмигранты вступили в переговоры с Гошем и дали согласие на капитуляцию, если только им гарантируют жизнь и свободу. Гош устно обещал это. Но утром 23 июля он и его армия открыли огонь, оттеснив эмигрантов под обстрелом вглубь полуострова. Пюизэ и его люди сбежали на судах. Сомбрейль, назвавший Пюизэ трусом и не пожелавший убегать, был взят в плен вместе со своим отрядом.

Кроме огромных запасов провианта на армию в 40 тысяч человек, 20 тысяч ружей, 150 тысяч пар обуви, в руки победителей попало не менее 8 тысяч воинов (около 1 тысячи эмигрантов, из которых большинство были дворяне или бывшие офицеры королевского флота). Прежде чем поспешно вернуться в Конвент, чтобы получить лавры победителя, Тальен велел отпустить на свободу жен и детей шуанов. Его товарищ Блад остался на месте и стал орга-

низовывать военные комиссии, которые должны были судить эмигрантов. Поскольку первая комиссия стала испытывать некоторое замешательство при мысли, что ей поручено приговорить к смерти военнопленных, которых в христианских странах убивать считается позором, ее быстро распустили и заменили другой, не такой щепетильной.

К смертной казни был приговорен 751 эмигрант, из которых 748 человек были немедленно расстреляны.

– Расстреляны? Их расстреляли?! – переспросила я в ужасе.

– Да, сударыня, – хриплым голосом проговорил отец Медар.

– Расстреляли пленных?!

– Да. Именно так.

У меня в голове всплыл давний эпизод. Тихий городок Лаваль, Лескюр, которого несут на руках шуаны, его запрет даже пальцем прикасаться к нескольким сотням синих, взятых в плен, его приказ делиться с ними хлебом... Я сжала кулаки, вонзила ногти в ладони, пытаюсь сдерживать охватившие меня ужас и ярость.

Удар был силен, удар в самое сердце. Я даже здесь, в Сент-Элуа, с огромной болью ощутила все его коварство и силу. Это был разгром. Аристократии дали пощечину.

– М-могу я узнать, кто... там был? – проговорила я сдавленным голосом.

– У меня есть список расстрелянных.

Я пробежала его глазами, и на миг для меня словно погас свет. Это было так, будто расстреляли мою семью. Первым стояло имя Сомбрейля. Его отца и брата гильотинировал Робеспьер. С расстрелом герцога прервался и древний род, прервалась последняя ниточка. Лаландель, Пти-Гюйо, Вальдиас – их встречала в Версале. А вот шевалье де Буань, такой веселый, насмешливый, – кто лучше него мог развлечь дам озорными рассказами? Пюисегюр, Ламир, Тентеньяк... Боже мой, а это кто – де Сен-При? Неужели сын старого министра? Ведь ему сейчас не больше шестнадцати!

Боль сжала мне грудь. Безжалостно убиты были самые молодые представители самых заслуженных, знатных родов – их словно отобрали по степени знатности! Это был цвет аристократии, ее надежда. Все они были образованны, мужественны, благородны, и именно за это их предательски и по-дикарски казнили! Казнили пленных! Я подняла глаза на отца Медара. Он был прав: новость действительно дурная. Даже ужасная. Аристократия была обезглавлена – вот что я поняла.

– Кто же ответит за это, сударь? – с трудом проговорила я, сдерживая комок рыданий, подступивший к горлу. – Они убили всех самых знатных аристократов! С кого теперь будет брать пример мой сын?

Священник осторожно сложил и спрятал просмотренный мною кошмарный мартиролог.

– Шаретт попытался отомстить за Киберонскую катастрофу... В качестве репрессии он велел расстрелять без всякой пощады всех взятых в плен республиканцев в количестве нескольких сот человек. Но, как вы сами понимаете, этим нельзя поправить дела.

– Конечно, дела поправить нельзя, – подхватила я запальчиво, – потому что это дело с самого начала выглядело как ловушка. Пюизэ, вы говорите, бежал? Да он же был в 1789 году в Генеральных штатах, приветствовал революцию. Он наверняка и был тем агентом синих, который заманил несколько сотен аристократов в западню. Покончить разом со всеми – что может быть удобнее для этих синих вырожденцев?! С самого начала они понимали, что пока дворяне стоят у них на пути – страной полностью не завладеть...

Поперхнувшись, я умолкла. Сидела уже молча, уставившись взглядом в одну точку. Я не представляла, что последует за киберонским разгромом. Снова террор? Репрессии? Меня снова упрячут в тюрьму? Какой подлостью будет утверждать Республика свою победу?

– Послушайте, сударыня, есть еще и другая, хорошая новость.

Я подняла на священника погасшие глаза.

– Хорошая?

– Мне кажется, вы сочтете ее именно такой. Вы слушаете меня?

– Постараюсь, святой отец.

– Есть еще и вторая экспедиция. Адмирал Уоррен недавно овладел островом Йе, и теперь там высадился граф д'Артуа, чтобы соединиться с Шареттом.

Я тяжело вздохнула. Вторая новость была отнюдь не такая ошеломляющая, как первая. Конечно, хорошо было услышать что-то достойное доверия о графе д'Артуа.

– Я очень рада такой смелости его высочества, – пробормотала я без всякого выражения.

– Вы не поняли меня.

Отец Медар поднялся, взял меня за руку.

– Граф д'Артуа зовет вас к себе.

2

– Он через меня передал вам письмо, мадам.

Я с изумлением глядела на отца Медара, не в силах сразу уяснить, что бы это значило. Вместо объяснений он протянул мне узкий голубой конверт, запечатанный и перевязанный шелковым шнурком. Я почти узнала печать принца.

– Прочтите. То, что вам будет не ясно, я объясню вам сам.

Сообразительность быстро вернулась ко мне. Я наконец-то поняла истинную роль, которую исполняет отец Медар в здешних лесах. Встречается с принцем, привозит от него письма, находится в курсе всех новостей...

– Вы доверенное лицо его высочества, не так ли, святой отец?

– К чему отрицать то, что вы сами поняли, мадам?

– Но почему вы не признавались так долго? Разве вы не знали...

Я хотела спросить: «Разве вы не знали, что связывало меня с принцем?», но осеклась, не зная, прилично ли говорить о таком с духовным лицом, и поэтому выразилась иначе:

– Разве вы не знали, кто отец моего сына?

Отец Медар усмехнулся уголками рта.

– Признаюсь, еще несколько дней назад я об этом и не догадывался.

Я надорвала конверт. Оттуда выпало не письмо, а записка, такая крохотная, что это меня даже задело.

«1 августа 1795 года, у меня. Жду вас».

Ниже стояла подпись – размашистая и неразборчивая.

– Но это же просто насмешка, – проговорила я. – Разве можно назвать это письмом?

– Все, что нужно, он поручил мне передать вам на словах.

– Ну, отец Медар, тогда я жду ваших объяснений.

Честно говоря, мне не очень хотелось отправляться на встречу с принцем крови. У меня сохранились замечательные воспоминания о нем, но, в конце концов, мы не виделись почти шесть лет, и оба мы изменились. Никто из нас особенно не страдал из-за разлуки. Хотя... желание Шарля видеть меня и эта записка явно подтверждают, что разлуку легче перенесла я, а не он.

– Он зовет не только вас. В конце концов я, как священник, никогда бы не взял на себя роль сводника и не устраивал бы любовные свидания даже его высочеству. Граф хочет видеть своего сына. Хочет познакомиться с ним.

Вот эта новость была действительно ошеломляющей. Я проглотила комок, снова подступивший к горлу. Мне вспомнились слова принца, сказанные в моем доме на Виа Рома в Турине: «Я не очень люблю своих детей, тех, что подарила мне моя драгоценная супруга. Ребенок от такой женщины, как вы, моя дорогая, – это нечто иное... Если вы сказали мне правду, будьте уверены, я не забуду этого ребенка». Мне тогда показалось это пустозвонством, обычными обещаниями мужчины, который хочет добиться женщины. Но, похоже, граф д'Артуа оказывается серьезнее, чем я предполагала.

– Святой отец, я поеду, чего бы мне это ни стоило.

Я произнесла это очень решительно. Если речь зашла о Жанно, для меня не существовало сомнений: ехать или не ехать. Мой сын должен познакомиться с человеком, которого я выбрала ему в отцы. От этого зависит будущее Жана. Что я могу ему дать, здесь, в Сент-Элуа? У меня даже нет денег, чтобы заплатить за его образование.

– Отлично, – услышала я голос отца Медара. – Я рад, что удалось так легко вас уговорить. Мы выезжаем в пятницу на рассвете, вернее, даже еще до рассвета. Будьте готовы.

– Да, но...

Я осеклась, пораженная очень неприятной мыслью. Как бы там ни было, я ехала на свидание к бывшему любовнику, и женская гордость ни за что не позволила бы мне показаться в жалком виде. Нельзя, чтобы он счел меня подурневшей. Но как этого избежать, если у меня нет ни одного мало-мальски не то что красивого, но даже приличного платья?

Те обноски, в которых я приехала из Парижа, я и теперь донашивала на кухне. Да еще сшила себе широкую полотняную юбку и два летних лифа – вот это и была моя новая одежда. Ходила я в сабо, как и все вокруг, голову повязывала косынкой. Но как показаться графу д'Артуа в деревянных башмаках? Меня охватил искренний ужас. Да нет, я даже ради сына не смогу предстать перед ним такой. Перед ним, который так ценил в женщине умение одеваться, разбирался в женских туалетах, обожал дарить драгоценности и вообще презирал дам, у которых не доставало вкуса! Это просто кошмар какой-то. Нет, я не могу ехать ни за что!.. Поехать – это все равно что ужаснуть его, вызвать жалость к себе, подвергнуться насмешкам, на которые он был мастер...

– Послушайте, святой отец, – сказала я решительно, – я, вероятно, дала свое согласие опрометчиво. Я...

– Вы что, беспокоитесь о нарядах? Он прислал вам их.

Я была ошеломлена подобным известием. И даже не сразу решила, как поступить с подобными подношениями. Принять? Но будет ли это достойно? Но, с другой стороны, если не принять, то поездка вообще становится несбыточной, а будущее Жанно – неопределенным. Следует, в конце концов, пожертвовать чем-то ради интересов мальчика.

– Да, отец Медар, – проговорила я. – Конечно же, я поеду.

3

Впервые за семь месяцев я внимательно взглянула на себя в зеркало.

Конечно, и раньше я каждый день умывалась и причесывалась, а потом смотрела, все ли со мной в порядке, но почему-то почти разучилась, глядя в зеркало, оценивать, красива ли я, обаятельна ли.

Я осторожно вытащила шпильки из волос, и тяжелые золотистые волосы мягко упали на плечи. Прошел год с тех пор, как в тюрьме Консьержери меня остригли, и они уже стали длинными, выросли дюймов на двенадцать и чуть выгорели... Мягкое бретонское солнце добавило золотистости коже лица. Да я и вся теперь была золотистая, ведь загара не скроешь. Но он не портил меня. Глаза у меня сияли – наверное, от волнующих известий... Тонкие брови вразлет двумя безупречными линиями пересекали высокий чистый лоб. Чуть вздрагивали крылья тонкого носа. Небольшая ямочка смеялась на ровной коже щеки. Я красива, да... и как хорошо это все выглядело бы, если бы в моем распоряжении было хоть чуточку краски...

А болезнь? Она, похоже, оставила след только в моей душе, физически я полностью оправилась. Земля Бретани словно вдохнула в меня силы. Тело налилось, пополнила грудь и сквозь полотно рубашки соблазнительно алели соски, более яркие, чем до родов. Я была очень стройна, но не худощава; постоянное пребывание на свежем воздухе подарило мягкий румянец щекам, силу и здоровье телу. Я чувствовала себя крепкой, как никогда. Бедрa были уже, чем прежде, но, в конце концов, прекрасно согласовывались с тонкой талией. Я даже как будто стала выше ростом.

А зачем я, собственно, об этом думаю?

Легкая усмешка тронула мои губы. Нет, все-таки никак нельзя относиться к графу д'Артуа только как к другу! Что-то внутри меня этому мешает. Может быть, потому, что не было случая, когда мы дружили, не будучи любовниками. Что будет на этот раз? Я даже не знала, что решить на этот счет. Конечно, у принца крови достаточно подружек, уж за этим дело никогда не стояло. Но есть ли среди них такая, как я? Наверное, нет, иначе он не звал бы меня, позвал бы только Жана!

Так что же мне делать, если он все-таки захочет хоть на миг возвратиться к прошлому? Я тряхнула головой, чтобы отогнать навязчивые воспоминания, чтобы вообще не думать об этом. И все же в глубине подсознания мне уже было ясно, что я вряд ли смогу сказать ему «нет».

В тот день, когда на землю спустился теплый тихий вечер, я стала свидетельницей потрясающего события; десятилетняя Изабелла самостоятельно вылезла из поставленной на землю колыбельки, взялась ручками за ее края, а потом отняла ручки и гордо стояла, демонстрируя всем свое умение. Замирая от гордости, я отошла на три шага и поманила ее к себе:

– Иди, иди сюда, миленькая! Иди, не бойся!

Изабелла пошевелилась, поверила мне, подняла пухленькую ножку и ступила шаг. Потом, удержав равновесие, сделала второй. На третьем я поймала ее в свои объятия.

– Ты ходишь, Бель! Моя хорошенькая, любимая Бель!

Вероника стояла в колыбели, ревниво наблюдала за нами и проявляла явное желание последовать примеру сестры.

«Ну, – подумала я со счастливой улыбкой, – теперь мне прибавится хлопот. Раз уж Изабелла взялась ходить, теперь ее не остановишь. Кто сможет совладать с этой непоседой?»

Я обожала своих близняшек: обаятельных, со вздернутыми носиками и серыми глазами, белокожих и белокурых. Так похожих на своего отца...

4

Берег был пустынен и тих, только волны с шумом накатывались на песок, сильно ударяя по нему горами гальки и оставляя за собой золотисто-зеленую морскую траву. Море было явно беспокойно. Небо затянуло тучами, но далеко-далеко на горизонте можно было различить огни и силуэты английских кораблей.

Было совсем еще рано, только начинало светать. В полумраке призрачно чернели абрисы скал, вокруг которых хлестали и пенились волны. Скалы и рифы были окутаны молочно-сизым утренним туманом. Да и вообще было сыро, и мы сильно продрогли.

В полшестого утра недалеко от берега появился шлюп и спустил для нас барку. Отец Медар крикнул с берега пароль, и ему ответили верно. Люди, говорившие по-английски, перевезли нас на шлюп, и только тогда я смогла разобрать на борту темные буквы названия. Шлюп назывался «Дриада». На нем я уже плавала – тогда, когда два года назад отец вез меня к сыну.

– You can rest there, [Вы можете отдохнуть здесь (англ.).] – сказал мне офицер-англичанин, открывая дверь каюты. Я поняла его слова.

Мы с сыном остались одни. Я сняла плащ, помогла раздеться Жанно. Он, чрезвычайно серьезный и тихий, задумчиво уселся в углу. Я взглянула в зеркало и тоже села на постель.

– Отец Медар останется с нами? – спросил сын.

– Да, милый, он все время будет сопровождать нас. Он ведь тебе нравится, Жанно?

Ребенок не ответил. Мы снова замолчали.

Я не могла не ощущать странного, не слишком приятного волнения. Мне предстояло увидеть человека, который явно станет оценивать меня после стольких лет разлуки. Мне предстояло познакомиться с ним сына. Для такой важной задачи нужно хладнокровие, а я слегка, по-школьному, волновалась.

– Мама, – произнес Жанно.

– Что?

– Не называй меня больше Жанно, пожалуйста.

Крайне удивленная, я взглянула на сына.

– Но ведь я всегда так тебя называла.

– Раньше я не понимал. А теперь мне не хочется быть маленьким. Я хочу быть Жаном! Вот как меня зовут. – Помолчав, он добавил: – Не хочу, чтобы папа слышал, как меня называли раньше.

В замешательстве я не сразу сообразила, о ком он говорит. Сын продолжал:

– Да и дед всегда говорил, что Жанно – это имя для сопляков.

– Да, но...

Не договорив, я умолкла, изумленно глядя на мальчика. Я так свыклась с этим прежним нежным именем, я и не думала, что Жанно это неприятно. Но я попыталась быстро взять себя в руки и подойти ко всему с юмором.

– Хорошо, – сказала я с улыбкой. – Но и в этом случае, Жан, тебе не следует быть таким серьезным. Твой папа человек очень веселый, ему нравятся живые, улыбающиеся мальчики.

– Расскажи мне о нем, ма!

– Я вздохнула, почувствовав легкую ревность. Жан всегда так тянулся к мужчинам – к деду, а вот теперь к «отцу». Меня он знал давно и любил меня, но ему словно было мало того, что могла дать я.

– Послушай, Жан, я давно хотела предупредить тебя... Возможно, когда мы встретимся с папой, мы будем у него не одни. У него могут быть другие люди. Поэтому ты ни в коем случае не должен называть графа д'Артуа отцом.

– А кто с ним может быть еще?

– Ну, – произнесла я в смятении, – с ним могут быть его сыновья... сыновья от другой женщины, твои братья.

– Герцог Ангулемский и герцог Беррийский?

– Откуда ты знаешь?

– Мне Маргарита сказала.

– Так ты обещаешь, Жан? Обещаешь не называть его высочество отцом?

Сын смотрел на меня с нескрываемой обидой.

– А как же мне еще его называть?

– Говори так, как я. Я буду называть его «монсеньор».

– Почему?

– Так положено. Таковы правила приличия, пойми, милый!

– А почему его сыновья от другой женщины могут жить с ним, а я не могу? – произнес Жан.

– Потому что та, другая женщина – его жена, мой мальчик! – вымученно проговорила я. – А я ему не жена. Понимаешь?

– Угу, – сказал Жан. – Почему же тогда у вас появился я?

– Твой папа любил меня, вот почему.

– Почему же он женился не на тебе, если любил?

– Жанно, ты невыносимый почему-то! – вскричала я, потеряв терпение. Сын спрашивал меня о том, чего я не могла и стыдилась ему рассказать. – Ты обещаешь мне вести себя хорошо?

– Ага! – пробормотал он в ответ.

К полудню шлюп начало качать. Разразилась гроза, и дождь глухо барабанил по деревянной палубе. Отец Медар не показывался. Кок принес нам завтрак, и мы поели. Пару раз я выходила на палубу, но едва порывы холодного ветра обвевали меня и мне в лицо целым снопом летели соленые брызги морской воды и дождя, я возвращалась обратно. Жан, устав от расспросов, уснул.

– We arrive in two hours, [Прибываем через два часа (англ.)] – донеслись до меня английские слова, и я их снова поняла.

Пора было собираться. Жан спал, я отгородилась от него ширмой. В каюте было зеркало: я разложила вокруг него свои саквояжи и коробочки.

* * *

...Теплым струящимся водопадом упали мне на спину шелковистые волосы. Я несколько раз встряхнула ими, проверяя, как искрятся они при свете фонаря, а потом взяла с углей щипцы. Сегодня я причешусь просто, но так, чтобы оставить свободным золотистый каскад локонов. Я разделила густые волосы на пробор, осторожно собрала их сзади и, чуть приподняв, скрепила на затылке – тяжелые сверкающие кудри, имеющие при тусклом свете почти платиново-медный оттенок, падали вдоль спины, открывая точеную линию шеи и нежные белые плечи.

Только маленькую каплю белладонны капнула я в глаза – и они засияли подобно драгоценным агатам. Черные ресницы казались неправдоподобно длинными, и когда я смотрела в зеркало, бросали стрельчатую тень на щеки. Ноздри у меня трепетали, цвет лица был такой нежно-золотистый, что я с презрением отвергла всякую пудру. Из зеркала на меня смотрела обаятельная черноглазая блондинка с необыкновенной красоты лицом.

– А есть ли на свете женщина милее меня? – прошептала я улыбаясь. Да и вообще я вся словно светилась изнутри.

Я была затянута в узкое платье из дорогого черного бархата, подчеркивавшего изящные линии полной груди и тонкой талии; платье было отделано серебристо-серым галуном и

вышивкой, с воротником и манжетами из тонкого белого сукна, обшитого серебристыми кружевами. Это было дорожное платье, к которому полагалась лишь нитка белого жемчуга. Но из всего этого я с тайным удовольствием заключила, что граф д'Артуа помнит все: и мои вкусы, и любимые силуэты, и даже меня саму...

Надев серую фетровую шляпу с темной вуалью, я принялась будить сына. Для него тоже полагался полный костюм версальского щеголя: шелковые чулки, светлые панталоны, батистовая рубашка с галстуком цвета чайной розы, молочно-белый жилет и серый камзол, отделанный золотистыми кружевами. Были даже башмаки с пряжками и шляпа – все для мальчика его возраста. Я аккуратно причесала густые черные волосы Жанно.

– Ты готов, – сказала я, целуя его в лоб. – И ты так хорошо выглядишь, Жан. Дед гордился бы тобой.

Он, в свою очередь, смотрел на меня с восхищением.

– Ты... ты такая красивая, ма! Такая нарядная!

В конце концов мы оба рассмеялись.

И тут шум раздался за дверью. Я услышала английскую речь, которую не разобрала, потом кто-то сказал по-французски: «Благодарю вас, капитан!» После этого дверь без стука распахнулась, и к нам ввалился некий молодой человек.

Снимая шляпу, он воскликнул:

– Честь имею вас приветствовать, мадам!

Я попятилась, почувствовав внезапный ужас. Мне показалось, что передо мной стоит сам граф д'Артуа. Тот и в то же время не тот! Лет на пятнадцать моложе. Сходство было поразительное. Я смотрела на молодого человека и ничего не могла понять.

– Простите, – проговорила я, – кто вы такой?

– Герцог Ангулемский к вашим услугам, мадам.

Он был красив, строен, изящен – совсем как граф д'Артуа. Только мне необыкновенно трудно было поверить, что мой бывший любовник имеет такого сына. Графу д'Артуа самому – только тридцать семь, а его сыну – двадцать один год!

– Принц послал меня обеспечить вам достойную встречу, мадам. С фанфарами и пушками вас, конечно, встречать не смогут, но хорошая шлюпка, дом и ужин вам обеспечены!

Быстро взглянув на Жана, герцог добавил:

– Отец ждет вас не дождется, принцесса.

На этот раз его голос прозвучал совсем тихо.

Я подумала, каково ему, законному сыну принца, ехать встречать чужую женщину, любовницу отца, соперницу матери. Для подобной ситуации он держался с отменными самообладанием и дружелюбием. Я не могла только понять жестокости принца. Зачем это было нужно – впутывать в дело молодого человека?

– Я готова следовать за вами, ваше высочество, – сказала я быстро.

– Шлюпка ждет вас.

Резко повернувшись на каблуках, юноша вышел.

– Он даже не заговорил со мной! – заметил Жанно.

– Ничего. Мы ведь едем к папе, не правда ли?

Я поспешно надела темный плащ, набросила на голову капюшон и, взяв сына за руку, твердым шагом вышла на палубу.

Море бурлило. Матросы, сидевшие на веслах, были мокры до нитки. Я порадовалась, что надела плащ: дождь лил как из ведра. Туман собрался над островом, окутал его непроницаемой пеленой. Лишь изредка, подходя очень близко, удавалось заметить огни английских кораблей, стоявших на рейде. Волны захлестывали шлюпку, и я только теперь, после многих часов пути, ощутила приступ морской болезни.

Для Жана это все было ново и необычно; вне себя от волнения и восторга, он разговаривал с матросами, а с герцогом вел себя так же сдержанно, как и он себя с ним.

– Долго ли отец вашего высочества собирается пробыть на Йе? – спросила я.

Герцог улыбнулся.

– Пожалуй, до тех пор, пока не решится высадиться на побережье. Если будет такая возможность.

– А кто еще сейчас на острове, кроме вас и принца?

– Епископ Дольский, граф де Шаретт и мой брат, сударыня.

Ах, так и герцог Беррийский здесь! Он, должно быть, года на два младше. А имя графа де Шаретта меня просто-таки поразило. Что может быть неприятнее, чем встреча с ним?

– Мы прибудем как раз к обеду, – произнес герцог.

На берегу нас ждала карета. Остров был маленький, и уже через десять минут мы были на месте. Это был старый каменный особняк, построенный, вероятно, еще при Екатерине Медичи. Сад был густой и пышный, но сейчас мокрые деревья выглядели не очень весело. За провожатым и герцогом мы прошли по мокрой песчаной дорожке; привратник распахнул дверь, и мы оказались в прихожей.

– Отец сегодня дает обед, мадам, – произнес герцог Ангулемский. И, обращаясь к дворецкому, добавил: – Доложите, что...

– Нет, – сказала я. – Не надо докладывать.

Герцог мгновение смотрел на меня, потом кивнул.

– Хорошо. Его высочество в гостиной. Прощайте, мадам.

Молча сбросив плащ на руки лакею, не снимая ни шляпы, ни перчаток, я пошла вперед. Мельком заметила себя в зеркале – стройную, элегантную, золотоволосую... Я тихо толкнула дверь – она подалась без малейшего скрипа.

В старинной гостиной, обставленной тяжелой мебелью из черного дуба, был жарко растоплен камин. Брызги дождя заставляли позванивать стекла в окнах. Пахло свежим кофе. Тяжелые портьеры были едва раздвинуты, и сумерки разгонялись лишь красноватыми отблесками каминного пламени. В этих-то отблесках я и увидела кресло с высокой спинкой, а в кресле – знакомого человека. Он сидел спиной ко мне, скрестив стройные ноги в чулках и башмаках с перламутровыми пряжками; на нем были только рубашка, кюлоты и жилет, расстегнутый на груди. Волосы, черные и волнистые, были напудрены и собраны назад – их легко стягивала бархатная черная лента.

Человек повернулся ко мне в профиль, а уж профиль-то мне был знаком – гордый, красивый, с орлиным носом, свойственным всем Бурбонам...

Я пошла по ковру, такому мягкому, что в нем тонули ноги, потом остановилась и произнесла только несколько слов:

– Это я, здравствуйте, Шарль.

Этого было достаточно.

5

Он вскочил, как тигр, подготовившийся к прыжку. Я стояла не шевелясь, пораженно читая на его лице мгновенно вспыхнувшую страсть и, как и раньше, понимая, что не могу ему сопротивляться. Когда я была юна – он имел надо мною власть. Но вот прошли годы – и почти ничего не изменилось... С чего я взяла, что разлука уничтожила наши чувства?

Принц подошел, его руки скользнули вокруг моей талии, прижали к себе очень близко. Он молча снял с меня шляпу, стянул перчатки, и все так же ни на дюйм не отпуская от себя, провел рукой по моим золотистым волосам. Я часто дышала, полуоткрыв рот. Тогда он наклонился, быстро, жадно поцеловал меня. Поцелуй был короток, я не ответила на него. Принц наклонился снова, припал к моим губам неистово, алчно, под напором его губ сначала моя голова, а потом и вся я в изнеможении подавалась назад. Одной рукой я оперлась на что-то, другой сжимала его плечо. Его губы проникали в меня неудержимо, почти жестоко, я задыхалась от его страсти и желания, в то же время чувствуя, как бьются наши сердца, – удар в удар... С этим человеком мы совпадали, как руки в пожатии. Его поцелуй был яростный и жадный, будто он ждал его очень долго, и в тот час, когда мы целовались со все возрастающей страстью, его рука почти на ощупь нашла застёжку платья, скользнула под грудь, осыпая ее бешеными торопливыми ласками. Другая рука нежно и твердо коснулась моего бедра, привлекла его к себе еще ближе и теснее, так что самым сокровенным краешком своего тела я ощутила прикосновение его мужской плоти, напрягшейся сильно и уверенно. С ног до головы меня потрясла сладкая дрожь. Я почувствовала, каким влажным и горячим становится лоно, как я умираю и рождаюсь заново – женщиной, и тогда, не выдержав жара, мгновенно охватившего все тело, я застонала.

Мы разомкнули объятия, уже понимая, как неосторожен был этот порыв. Кто угодно мог войти в комнату, даже слуга... Дыша взволнованно и быстро, я опиралась на руку графа, склонила голову ему на плечо.

«Как могла Изабелла де Шатенуа сравнивать его с каким-то своим Александром? – пронеслась у меня мысль. – Этот мужчина необыкновенен, ему нет равных!»

– Как я хочу тебя! – прошептал он мне в волосы жарко и нетерпеливо. – Я бы все отдал за это!

Я закрыла глаза. Мне и самой хотелось того же, но голова моя уже начинала трезветь, и я сама себе поражалась. Так забыться почти на глазах у сына!

– Эта ночь моя, правда? – проговорил принц, обжигая губами мне ухо.

– Ну что я могу ответить? – проговорила я улыбаясь. Я уже успела трезво подсчитать, что сегодняшняя ночь для меня абсолютно безопасна. Зачем мне отказываться? С этим мужчиной я так редко вижусь, а между тем только он способен дать мне почувствовать истинный вкус близости.

Его руки еще некоторое время скользили по моему телу, но уже не так страстно: он понемногу успокаивался, понимая, что сейчас не место и не время. Хотя, впрочем, мне мое воображение подсказывало: как было бы хорошо снова познать все это прямо здесь, не сходя с места, забыв обо всех...

Он, вероятно, подумал о том же и тяжело усмехнулся.

– Не надо подстрекать меня взглядом, дорогая, – произнес он, целуя мне руку. – Уверю вас, это излишне.

Я молча высвободилась, подняла упавшую на пол шляпу.

– Мы так необычно приветствовали друг друга! – продолжал он уже насмешливо, и я снова узнала прежнего графа д'Артуа. – Браво, моя дорогая, я рад был убедиться, что вы не забыли меня. Уверен, что за эти шесть лет вы многое пережили. Но вот чего я не ожидал, так

это того, что вы станете много прелестнее, чем прежде. Если бы я впервые увидел вас такой, я бы, вероятно, лишился рассудка и стал бы ни на что не способен. Ни на какие козни.

Не отвечая, я внимательно смотрела на него. В нем не произошло каких-то разительных, коренных перемен, но... Он стал грустнее, задумчивее что ли. Он шутил, но под шуткой уже чувствовалась горечь. Я печально вспомнила того красивого молодого человека, которого занимали только женщины. Как мы все были беспечны тогда! Мы понятия не имели, что такое жизнь. И она нас жестоко проучила. Даже как-то больно было вспоминать прошлое – настолько оно было очаровательно и несоединимо с действительностью.

– Не думайте о грустном, моя прелесть. Вы красивы, и это главное. Я по-прежнему без ума от вас. Боже мой, как жаль!

– Чего, монсеньор?

– Того, что мы столько лет не виделись!

И, внезапно повеселев, он отошел на два шага, оглядел меня и воскликнул:

– О, оказывается, меня можно поздравить! Вы прелестно выглядите в этом наряде. И как приятно сознавать, что на вас нет ничего вашего, только мое.

– Еще одно такое напоминание, – предупредила я, – и вы, монсеньор, больше никогда меня не увидите.

– Ну полно, полно! Вы же знаете, как я люблю пошутить.

Разглядывая меня и оценивающе, и восхищенно, он мягко сжал мои руки.

– Сюзанна, вы меня поражаете. Кто бы мог подумать, что вы станете еще соблазнительней? Какие чары даруют вам вечную юность и вечное очарование? А ведь вы сидели в тюрьме, как мне известно.

– Да, монсеньор, целых девять месяцев.

– Ну, а сейчас, когда вы вернулись к своему семейному очагу, у вас... есть воздыхатели?

Я улыбнулась, про себя подумав: «Видел бы он меня в Сент-Элу!» В деревянных башмаках и подоткнутой юбке. Уж какие там воздыхатели...

– Ну, об этом мы поговорим позже, – произнес граф решительно. – Хотя, я уверен, моя дорогая, вы наставили мне целую кучу рогов.

Я вспомнила о сыне, который дожидался моего появления где-то за дверью, и спохватилась. Мне стало совестно. Как я могла хоть на миг забыть о Жанно?

– Ваше высочество, нас ждет мальчик... наш мальчик, – сказала я серьезно, пристально глядя на принца.

– А, так вы привезли сына?

– Да, как вы и просили.

– Что же вы молчали до сих пор?

Жан остановился на пороге, прижимая роскошную шляпу к груди. Я почему-то думала, что в новой богатой одежде он почувствует себя несвободно и скованно, но не тут-то было: мальчик держался с отменным достоинством и даже, мне показалось, не без надменности. С полным самообладанием он отвесил принцу поклон, так, как учила его я.

– К вашим услугам, сударь, – произнес он тоненьким, но твердым голосом.

В синих глазах сына я читала явную гордость. Со всем возможным вниманием он смотрел на графа д'Артуа, которого теперь рад был считать отцом. Граф протянул ему руку – не ладонью книзу, как для поцелуя, а так, как подают для пожатия. Я с трудом верила в то, что вижу: принц редко кого удостоивал подобной чести. По уши залившись румянцем и задыхаясь от гордости, Жанно в ответ тоже протянул руку и ответил на пожатие.

– Меня зовут Жан Анри, сударь, – проговорил он быстро-быстро, – мама привезла меня к вам, потому что сказала, что вы мой отец.

Ну вот, подумала я, все мои наставления летят к черту. Жанно нарушал их так легко, словно никогда не слышал.

– Что ж, она сказала вам правду, – произнес граф, внимательно разглядывая мальчика. Повернувшись ко мне, он вполголоса добавил:

– А ведь у него глаза синие. В кого бы это, а, моя прелесть?

Пожав плечами, я с холодной улыбкой ответила:

– Если вам угодно сейчас обсуждать эту тему, могу напомнить, что у вашего деда, как и у моего отца, глаза были синие. Надеюсь, милостивый государь, вы по достоинству, оцените ту снисходительность, с которой я дала вам объяснения по тому поводу, в чем отчитываться вовсе не обязана.

Я сказала это со всем высокомерием, на какое была способна, и принц знал, что, когда я начинаю говорить таким тоном, это значит, что задета моя гордость. Он оставил затронутую тему.

– Ваша мама сказала вам правду, Жан Анри. Я ваш отец. И мне очень жаль, что мы с вами только сейчас встретились.

– Мама очень давно о вас рассказывала! Только когда была революция, надо было молчать. Никто не должен был знать, что вы мой папа.

Принц наклонился, провел рукой по волосам мальчика, внимательно заглянув ему в лицо. Для меня было неожиданностью прочесть на лице графа д'Артуа удивление и даже некоторую нежность. Жан действительно выглядел необыкновенно смелым и решительным мальчиком.

– Скажите, Жан, хотели бы вы всегда жить рядом со мной, раз уж я ваш отец?

У меня зазвенело в ушах. Что это – шутка? Если бы принц посмел шутить, задавая такие вопросы, я бы, наверное, выцарапала ему глаза. Но он, к счастью, спрашивал хотя и весело, но серьезно.

Жан взглянул на меня.

– Если мама согласится, то, конечно, да, папа!

Я с укоризной взглянула на сына. Ну никак не мог он удержаться от этого слова – «папа». Он даже Берте завидовал только потому, что у нее есть человек, которого она может так называть.

Принц рассмеялся, потрепал сына по плечу.

– Ну вот и отлично. Что у вас с рукой, Жан?

Глядя на графа широко раскрытыми, полными доверия, наивности и почти любви глазами, Жан простодушно пояснил:

– Берта позвала меня качаться на лозе, а сама упала прямо на меня. Я сломал руку. Теперь уже лубок сняли, но я еще не совсем оправился.

– Ничего. Полагаю, это не мешает вам принять от меня некоторые подарки.

Я внимательно следила за происходящим. Граф снял с руки кольцо с изумрудом и надел его на палец мальчику.

– Возьмите это, Жан. Я так мало вам пока давал. Но это ничего: когда-то я обещал вашей маме заботиться о вас, и я сдержу слово. – Выпрямившись, он добавил: – Но у меня есть для вас что-то более ценное.

Граф д'Артуа, подумав, сиял со стены длинную кривую саблю в красивых ножнах, инкрустированных перламутром и бриллиантами, с эфесом, отлитым из чистого золота. Жан понял, что именно ему собираются подарить, и глаза его заблестели: он уже два года мечтал о настоящей, не деревянной сабле! Пока у него был только маленький кинжал, подаренный дедом.

– Это сабля моего прадеда, короля Станислава Лещинского, отца королевы Марии Лещинской. С ней он сражался у Данцига. Это одна из тех вещей, которые могут принадлежать только Бурбону. Вас уже можно причислить к ним. Это вам на память обо мне, Жан.

И он поцеловал мальчика в лоб.

Я не верила своим глазам. Я впервые видела, чтобы принц так разговаривал с ребенком. Насколько я помню, еще при Старом порядке своим детям он не уделял никакого внимания.

– Ну а что вы скажете, Жан, о целой куче шоколада, ванильных пирожных и мороженого? Как вам это нравится?

– Очень нравится, папа, – простодушно ответил Жанно. – А где?

– В соседней комнате ждет вас не дождется.

Жанно столько лет не то что не ел, но даже не видел подобных лакомств. Прицепив длинную саблю сбоку и поддерживая ее, чтобы не была по ногам, он поволок ее за собой к двери, даже забыв церемонно поклониться.

Я посмотрела ему вслед. У меня были все основания быть более чем довольной этой встречей. Принц, при его легкомыслии и полнейшем равнодушии ко всему, что прямо не касалось его удовольствий, не мог вести себя лучше. А уж на подарки я и не надеялась. Вот радость-то для Жанно... Меня, правда, несколько удивил вопрос графа: «Хочешь ли ты жить рядом со мной?»

Принц резко повернулся на каблуках, обнял меня за талию.

– А он прехорошенький, этот ваш мальчик, дорогая!

– Вы говорите «ваш»? Не «наш»?

– Я не уверен. Никогда не буду вполне уверен!

Меня охватило возмущение.

– Почему же, в таком случае, вы позвали меня сюда?

– Да потому что, душенька, мне дорого все, что связывало нас в прошлом! Я ни о чем не могу вспомнить без душевного и телесного трепета. Это, черт побери, все моя глупейшая сентиментальность, и вы ее, быть может, вовсе не заслуживаете. Но что поделаешь, моя дорогая: вы слишком большой отрезок в моей жизни, чтобы я мог не думать об этом мальчике.

– Но Боже мой, зачем же все это тогда сделано? Пригласив нас сюда, вы всем дали понять, что я – ваша любовница, а Жан – ваш сын! Даже ваши дети теперь уверены в этом! Теперь уже никого не разубедишь!

– А почему, собственно, это вас так волнует?

– Меня удивляет, как можно, самому не веря, убеждать остальных! – ответила я сердито. Сердце у меня стучало очень быстро. Разозленная, я высвободилась из рук графа.

– Да перестаньте вы устраивать сцены, моя несравненная! Разве я сказал, что не согласен добросовестно быть отцом нашему сыну?

Пораженная, я умолкла, не зная, к чему он клонит.

– Вы, Сюзанна, никогда не скажете мне правды. Таким образом, ни в том, ни в другом я никогда не буду уверен. Жан может быть и моим, и не моим. Но зачем это выяснять? Я без ума от вас, мне нравится ваш сын. Я сделаю для него все, что в моих силах. И, кроме того, мне хочется немного приструнить своих законных сыновей... да-да, они иногда очень нуждаются в воспитательных мерах.

Подобные речи казались мне чрезвычайно странными, но я уже почти успокоилась. У Жана будет отец, и это главное.

И все же, когда граф поцеловал меня, я не разомкнула губ ему навстречу.

– Ну вот мне и наказание за мою откровенность! – сказал он слегка огорченно, отстраняясь. – Однако ничего. У вас есть время успокоиться. А у меня есть время подумать то, что я сегодня скажу вам.

И, целуя мои пальцы, он добавил:

– У меня для вас сюрприз.

– Когда назначен обед? – спросила я все еще мрачно.

– Да через полчаса. Это не затянется надолго. Я так хочу поскорее оказаться в одной спальне с вами, что разгоню всех своих гостей.

Слова были грубоваты, но сказаны с настоящей страстью, и я охотно простила графу д'Артуа его несдержанность.

6

Я выбрала платье цвета пурпура на золотой подкладке. Шелк был прозрачный и тонкий, а более плотная золотая парча словно подсвечивала его изнутри. Обнаженные плечи в окружении пурпурного шелка отливали перламутровой белизной; вырез платья смело устремлялся вниз, приоткрывая ложбинку между грудями. Платье было сшито по последней моде, с чуть завышенной талией, мягко подчеркнутой золотистым поясом, а дальше ткань свободно падала вниз живописными складками, подчеркивая изящные очертания длинных стройных ног. Да и вообще, я знала, как идут мне красные цвета – алый, огненный, пурпурный.

Зажженные свечи радужно отражались в зеркале. Я выбрала для этого платья прическу абсолютно свободную и, вынув из волос все шпильки, предоставила кудрям волной упасть на плечи. Чем украсить их? Я достала из вазы одну влажную ярко-пунцовую розу и шпилькой осторожно приколола ее у виска: цветок среди густых золотистых волос сразу приковывал к себе взгляд.

Послышались чьи-то шаги. Я не успела даже обернуться, как руки – о, очень знакомые мне руки – легли мне на плечи. Тихо щелкнула застежка, и на груди у меня с прохладным звоном засияло изящное рубиновое ожерелье с отделкой из гиацинта. Оно было словно создано для этого платья.

– Я знаю, что больше всего вам к лицу рубины, – сказал граф д'Артуа. Он повторил то же самое, что говорил девять лет назад. – Боже, что это за духи! Я всегда сходил с ума от ваших духов. Что это?

– Да простая смесь розы с вербеной, – проговорила я улыбаясь. – Вы же их мне и прислали.

– Значит, свою прелесть они приобретают от хозяйки?

Мы вместе рассмеялись. Наши губы встретились в коротком поцелуе, но, к моему удивлению, граф продолжать не стал и, быстро отстранившись, потянулся за моим плащом.

– Одевайтесь, моя несравненная. Мы уезжаем.

– Разве мы ужинаем не здесь?

– А разве вы забыли, что я приготовил вам сюрприз?

– Надеюсь, – прошептала я, пока он набрасывал мне на плечи плащ, – ужин тет-а-тет не будет так же плох, как обед?

Обед, при всей его изысканности, показался мне отвратительным. Герцог Беррийский, младший сын графа д'Артуа, держался со мной и с Жаном крайне холодно и чопорно; герцог Ангулемский был полюбезнее, но и в нем я не могла заметить особого дружелюбия. Графа д'Артуа поведение его старших сыновей только забавляло. Он будто нарочно уделял все свое внимание Жанно... болтал с ним, расспрашивал о друзьях, шутил, и малыш, даже позабыв о моем строгом взгляде, прямо за столом назвал принца отцом. Епископ Дольский, чувствуя некоторое напряжение среди собравшихся за обедом людей, пытался разрядить его, заговаривая то с герцогами, то со мной, но все мы отвечали невпопад, и он оставил свои попытки. Адмирал Уоррен вообще едва понимал по-французски и был занят лишь едой. А когда с небольшим опозданием к обеду явился сам граф де Шаретт, уже без платка на голове и в приличном костюме, я резко поднялась из-за стола, взяла сына за руку и, сославшись на нездоровье, вышла – так быстро, что Шаретт вряд ли даже успел рассмотреть меня.

Иначе я не могла поступить. Пусть у этого человека были какие угодно заслуги перед белым делом и чин генерал-лейтенанта королевских войск, я не могла забыть, что он вытворял в лесах и болотах. Он был так жесток – в Порнике, в Машкуле... Конечно, к жестокости его располагали обстоятельства тогдашней войны, но я не хотела делить трапезу с подобным вандейским героем.

Карета остановилась у берега моря. Дождь прекратился, но густой влажный туман навис над островом. Начинался прилив. Каким грозно-очаровательным казался теперь каменистый берег, усыпанный серыми валунами, острые скалы и кипящие вокруг них волны, окутанные белыми клубами тумана...

– Мы куда-то поплывем? – спросила я, заметив у берега лодку и двух матросов.

– Да. Видите тот корабль?

На горизонте, примерно в полумиле от берега, освещенное светом луны, сияло огнями палубных фонарей мощное, многопушечное судно. От него по волнам стелилась узкая золотистая дорожка, сотканная из лунных бликов. Ветер был сильный, и я даже сейчас видела на флагштоке развевающееся королевское знамя.

– А там что, ресторан? – проговорила я, улыбаясь.

– Нет. Лучше, чем ресторан. Вы будете довольны. Разве вы забыли мою фантазию?

Матросы помогли мне сесть в лодку. Еще миг – и мы поплыли прочь от берега, подхваченные сильными волнами. Я сбросила капюшон, чтобы подставить лицо ветру. Он был уже не холодный, а только свежий. Тысячи запахов были в нем – моря, свежеспиленного леса, соли и даже матросского рома... Мы плыли сквозь густой туман, но я видела, как приближается к нам качающийся на волнах военный корабль.

Матросы сидели спинами к нам. Рука графа нежно обхватила мою талию. Я повернулась к нему, полуоткрытыми губами встретила его поцелуй. Принц был необыкновенно ласков сейчас, не порывист, не тороплив, как можно было опасаться. Он вообще всегда был не таким, каким его ожидали видеть.

– Чудесный туман, – прошептал он мне на ухо.

– Чудесный?

– Он радужными каплями сверкает в ваших волосах...

Сказав эти слова, нежные, как поэзия трубадуров, он внезапно отстранился, осторожно повернул меня вперед и, жестом гордого владельца, указывая на корабль, приказал:

– Ну-ка, смотрите!

Судно было залито огнями, которые казались чуть расплывчатыми из-за тумана. Оно было великолепно – новое, мощное, с огромными сосновыми мачтами и спущенными парусами. И по левому борту я увидела буквы названия. У меня перехватило дыхание. Я прочла:

«СЮЗАННА – ЗВЕЗДА МОРЕЙ»

Буквы сияли в ночи, сияли даже сквозь туман, подсвеченные алыми и желтыми огнями. И мое имя было очень хорошо видно. Вероятно, при желании я могла бы разглядеть его и с берега.

– Звезда морей? – переспросила я изумленно. – Но... но почему?

– А разве плохо? Вам не нравится?

– Очень нравится!

– Ну, и это главное. Об остальном не думайте. Чудеса только начинаются, моя дорогая!

Мы подошли к «Сюзанне» вплотную, и матросы помогли нам взобраться на корабль. Мы оказались на палубе совсем одни. Правда, позади меня слышались шаги – видимо, лакея, и чьи-то невидимые руки приняли с моих плеч плащ, но я не успела даже увидеть этого человека, как он удалился куда-то в темноту и туман, и вновь все стихло. Мы были одни.

– Так здесь и будет ужин, монсеньор?

– Именно здесь. Ужин без всяких лакеев.

– Вы даже это сделаете возможным?

– Для вас я готов на все, моя прелесть. Сегодняшний вечер – ваш. Ну же, улыбайтесь! Такая хорошенькая женщина заслуживает и большего, чем просто назвать в ее честь корабль.

И внезапно, мельком взглянув в лицо принцу, я поняла всю силу его чувства ко мне. Может быть, это чувство и нельзя было назвать любовью. Но, Боже мой, если мужчина хочет, чтобы я улыбалась, и все усилия прилагает только для этого – это кое-что значит!

Он отворил передо мною обе створки дверей в большой зал. Алый персидский ковер, глубокий и пушистый, расстился по полу. Зал был отделан в мавританском стиле – пышно, вычурно, роскошно. На стенах – деревянная обивка из светлого гваделупского лавра, в окна вставлены чуть затемненные венецианские стекла. В четырех углах висели круглые, отделанные перламутром и серебром светильники, разливающие золотистый свет. Под стенами стояли низкие диванчики, обитые ярким восточным шелком, со множеством шелковых подушек персикового цвета. На мавританском хрупком столике, отделанном по углам золотом, лакированном и покрытом яркими росписями-арабесками, горели две розовые ароматические свечи в золотых подсвечниках. Стол был сервирован для ужина на двух человек.

Запах роз окутал меня. Розы были везде – в плоских вазах на полу, на ковре; гирляндами из роз были оплетены светильники, китайские розы – нежные огоньки среди зеленых лоз – стелились по стене возле окна. Все это было так свежо, душисто и волнующе, что я в радостном изумлении обернулась к графу.

– Это все... для меня?

– Разумеется! Ночь чудес ожидает Шахерезаду!

Я узнавала графа: в его привычках было подобным образом ухаживать за женщиной – роскошно, на широкую ногу, ничего не жалея, так, чтобы она чувствовала себя королевой. Но на этот раз он превзошел самого себя. Корабль, на котором мы одни, великолепный зал, розы... – Ах, монсеньор, – сказала я, улыбаясь, – вы положительно хотите, чтобы я потеряла голову.

Сладкое золотистое шампанское с шипением пенилось в бокалах из венецианского стекла. Одурающе пахло розами, и этот запах смешивался с ароматом свежих фруктов. Я поднесла ко рту засахаренную дольку апельсина и с загадочной улыбкой взглянула на графа.

– Скажите, монсеньор, вы часто видите со своим братом, графом Прованским?

– Вы хотите сказать, с новым королем Луи XVIII?

– Да, именно так. С его величеством.

– Если вас это интересует, то я вижу с ним нечасто. Он живет в Вероне, впрочем, как и моя жена, а я – в Эдинбурге. Мы поддерживаем связь, но видимся редко. Однако же здесь, на Йе, я защищаю его интересы.

Он допил бокал и сказал уже менее серьезно:

– Был на троне один Толстяк, теперь другой. Два Толстяка! И я отныне – наследник. Может быть, когда-нибудь я стану королем, и на мне прекратится эта династия толстяков.

Я была шокирована.

– Как вы злы! Ваш казненный брат – мученик, а вы смеетесь над ним!

– Увы, моя дорогая, видит Бог, он сам многое сделал для того, чтобы быть мучеником. Должно быть, у него не было иных талантов, кроме таланта к мученичеству. Именно эту стезю он и выбрал.

Внезапно разозлившись и презрительно усмехаясь, он добавил:

– А что, может быть, вы скажете, что мой брат имел мужество быть настоящим королем? Именно он и допустил всю эту катастрофу!

Я молчала. Только теперь я стала понимать, чем отличаются аристократы, во время революции оставшиеся во Франции, и аристократы, которые все это пережили в эмиграции. Для нас король приобрел ореол святости, жертвенности. Он был воплощением наших идеалов. А для эмигрантов он оставался все тем же слабым, безвольным, набожным человеком. Да, подумала я, этот граф д'Артуа просто несносен со своим цинизмом! Он кого угодно шокирует!

Протянув руку через стол, граф отыскал мои пальцы и поднес их к своим губам.

– Давайте оставим политику, моя дорогая. Сейчас она может только расстроить нас. Предоставьте мне заниматься этими проблемами и задумываться над тем, как поскорее устроить во Франции реставрацию монархии. Вы наверняка все шесть последних лет думали об этом, но ведь это не принесло вам счастья, не правда ли? А я хочу видеть на ваших губах улыбку. Вы согласны улыбаться? Я приложил для этого немало усилий.

Он нажал на рычаг, и столик на моих глазах опустился вниз.

– Вот что вы называете ужином без лакеев!

– А вы помните ночи в Тампле? – жарко прошептал он. Его ноги под столом поймали мою ногу и сильно сжали ее.

Его желание действовало на меня против моей воли. Он смотрел на меня, смотрел очень откровенным мужским взглядом, в котором я могла прочесть неприкрытое вожделение, страсть, нетерпение, и этого было достаточно, чтобы я тоже взволновалась. Что может быть более лестным для женщины, чем понимание, что она возбуждает такую страсть?

– Смогу ли я выдержать этот ужин? – проговорил он. Столик поднялся, украшенный уже новым букетом роз.

Новые вина благоухали на нем – бордо, божоле, шамбертен, портвейн. Мы принялись за еду: он – без всякого выражения на лице, я – с мыслью, что не скоро мне придется вновь отвежать такие кушанья.

– Знаете, мадам, пока вы находитесь не слишком близко ко мне, я, наверное, заведу серьезный разговор. Вряд ли потом у меня хватит для него терпения.

Я молча пила шампанское с тонким кусочком сыра рокфор. Честно говоря, я не знала, что это за серьезный разговор, на который принц и прежде много раз намекал.

Я заметила, что он уже не так страстно смотрит на меня. Напротив, он стал выглядеть чуть озабоченным, и было похоже, не решался мне сразу все сказать.

– Душенька, я хочу сделать вам одно предложение, – сказал он наконец, нервно измаяв в руках салфетку.

– Я слушаю вас, Шарль. Не беспокойтесь так. После такого великолепного вечера у меня вряд ли хватит смелости хоть в чем-то вам отказать.

– Я предлагаю вам всегда жить со мной, мадам.

Ошеломленная, я поставила бокал на стол.

– То есть как – всегда?

– Всегда – значит всегда, моя прелесть, смысл этого слова прост! Я зову вас в Эдинбург. Я принял решение. Я хочу всегда иметь вас рядом, ибо я давно понял, что вы – единственная женщина, которую я мог бы подолгу терпеть поблизости. Ни с кем другим мне не ужиться. А вас я хочу видеть постоянно. Я понял это шесть лет назад. В Турине. Но вы сбежали тогда...

– Надо же, – сказала я, пытаюсь снизить тон этого разговора, – вам понадобилось девять лет знакомства, чтобы мне об этом сказать!

– Не иронизируйте. Я и так исполнен священного трепета перед этой беседой.

Он наклонился в мою сторону и улыбнулся.

– Ну, так что же вы ответите бедному влюбленному?

Я впервые видела его таким взволнованным, но пытающимся скрыть волнение за насмешливостью. И тогда я поняла: это серьезно.

– Шарль, но... но что же за роль вы мне предлагаете?

– Роль морганатической супруги, если вам угодно. Помните Августа Сильного и графиню Козель? Да что там это! Помните моего предка Людовика Солнце и мадам де Ментенон? Я признаю детей, если они родятся, я добьюсь для них денег и титулов. Я даже могу дать вам письменное обещание жениться на вас, если скончается моя жена. Вы не будете жить взаперти, я буду показываться с вами при всех европейских дворах.

– Шарль, – сказала я растерянно, – вы забываете, чем закончилось это для графини Козель! [Графиня Козель (начало XVIII в.) после многолетнего морганатического супружества с Августом Сильным была заточена им в замок Штоллен.]

Он тихо ответил:

– Я жду ваших условий, если они есть.

– Мне надо подумать, – прошептала я даже чуть испуганно. Предложений было слишком много, и таких неожиданных.

– Единственное, чего я не могу сделать пока, – это жениться на вас. Это не моя вина, меня самого женили в пятнадцать лет, и никто меня не спрашивал. Надо ли удивляться, что я нахожусь за столько лье от своей супруги и не видел ее уже два года. Наша с вами связь тянется уже много лет. Я хочу сделать ее прочнее.

Я молчала, прекрасно понимая серьезность момента. Мне было отлично известно, что граф д'Артуа наверняка еще никому не говорил такого. Каждое слово давалось ему с трудом. Он при его легкомыслии не привык связывать себя какими-либо обязательствами. У него много любовниц, но никто из них не дождался такого предложения. Я ждала его девять лет. Наверное, я должна чувствовать себя польщенной. А я была растеряна.

– Послушайте, а как же Диана де Полиньяк?

– Она в Вене. Я вижусь с ней время от времени, но не больше.

– Она по-прежнему ваша любовница?

– Дорогая моя, я хочу быть с вами откровенен. Диана наверняка останется моей любовницей и тогда, когда вы согласитесь на мое предложение. Приглашая вас жить со мной на положении почти что супруги, я вовсе не имел намерения становиться монахом.

– Ну и долго я буду оставаться «почти что супругой»? – съязвила я. – До первой случайной шотландской юбки?

– Я обещаю дать вам письменное обязательство.

– Не нужно мне этого.

Я даже слегка рассердилась. Что дало ему основание полагать, что я гонюсь за какими-то обязательствами? Для меня главное всего устроить судьбу сына. Я не могла не видеть, что в Эдинбурге для этого больше возможностей, чем в Сент-Элуа.

Граф словно угадал мои мысли.

– Чего вы добьетесь, упрямо оставаясь в стране, где не знаешь, чего ожидать завтра? В любую минуту этот бешеный Конвент может лишить дворян гражданства, либо выслать их в Гвиану, либо еще что-нибудь придумать. Мне известно, что ваши финансовые дела идут плохо, вернее, вообще никак не идут. В Шотландии я куплю вам роскошную виллу с садом в заливе Ферт-оф-Форт, куплю на ваше имя; ваш сын также не останется без поместья...

– Остановитесь, монсеньор, – сказала я. – Не надо подкупать меня.

– Черт побери, ваше упрямство просто возмутительно!

Он раздраженно бросил салфетку на стол.

Чуть откинувшись на спинку стула, я думала. Как быть? Я никогда не была содержанкой. Есть в этом что-то унижительное... Неужели я должна согласиться? Сейчас я независима. Станет ли принц уважать меня тогда, когда я буду полностью от него зависеть?

– Сюзанна, прелесть моя... Вы подумайте, ведь я просто не могу смотреть на вас без мук совести. Как можно отпустить вас снова в этот бретонский ад? Едемте вместе со мной в Эдинбург. Черт возьми, где бы я ни был, вы всегда пытаетесь от меня ускользнуть! Помните ту последнюю ночь в Турине? Я был абсолютно уверен, что вечером увижу вас снова, а вы вечером уже катили по дороге в Париж к какому-то ублюдочному якобинцу! Вот уж это был удар под дых! Удар мастерский! Вы умеете быть неуловимой, умеете заставлять мужчин гнаться за вами!

– Ваше высочество, – сказала я нежно, – ведь именно этим я и отличаюсь от других женщин, которым вы делали честь, оказывая свое внимание. Конечно, это и заставляет вас думать, что вы влюблены в меня.

– Вздор! Не болтайте чепухи! – сказал он почти грубо.

– Хорошо! Тогда эта неувовимость – просто моя защита: я не в силах устоять перед вами, поэтому нахожу спасение в больших расстояниях, пролегающих между нами...

Он гневно, почти до боли сжал мою руку.

– Прекратите! Все это чушь. Черт побери, я желаю услышать ответ!

Я молчала.

– Каков он? – спросил принц и сердито, и взволнованно.

Я подняла на него глаза, полные озорства и лукавства.

– Да! – воскликнула я, улыбаясь. – Да, конечно, да!

Я поняла, как он хотел услышать от меня это. И этот корабль «Сюзанна – звезда морей», и ужин, и розы – все это были способы, призванные очаровать меня, заморозить. И они меня заморозили... Я была бы в высшей степени лицемерна, если бы отрицала это.

– Да! Я поеду с вами в Шотландию, если вы так хотите, Шарль! И даже не потому, что вы прельстили меня виллой. Просто... просто потому, что вы так неотразимы, ваше высочество!

– Уф-ф! Наконец-то!

Он вскочил с места, отшвырнул в сторону стул. Волнение слетело с его лица, осталось только желание – хищное, откровенное.

– Сколько времени, предназначенного для любви, вы заставили меня потерять! Ну, берегитесь, моя прелесть!

Он даже не обнял меня. Он просто подхватил меня на руки, так неожиданно, что я вскрикнула от испуга. Он понес меня – куда, я и сама не знала. Но, прижавшись щекой к его плечу, чувствуя запах его одеколона, я понимала: это – пока единственный мужчина, с которым я могу быть счастлива. Сама судьба свела меня с ним. И я была этому рада.

7

Едва мы покинули зал, нас охватила прохлада влажной туманной ночи. Густой туман клубился в воздухе и, казалось, дышал. Сердце у меня стучало часто-часто, кровь прилила к щекам, и эта ночная влажность явилась для меня чем-то освежающе-острым, как бокал холодного шампанского в жаркую погоду.

– Куда вы меня несете? – прошептала я тихо-тихо.

Он остановился, осторожно поставил меня на палубу. Мои руки так и остались обвитыми вокруг его шеи. Где-то внизу плескались волны о борт корабля. Принц взял мое лицо в ладони, нежно-нежно поцеловал в глаза. В его губах, несмотря на нежность, я очень ясно ощутила нетерпение, давно сдерживаемую страсть. Я подалась назад, спиной наткнувшись на деревянную стену; его колено оказалось между моими податливо разомкнувшимися ногами. Он привлек меня к себе очень близко, явно испытывая желание, чтобы хоть какая-то частичка моего тела прикоснулась к его мужской плоти.

– Я был готов уже тогда, когда ты первый раз поднесла к губам бокал шампанского, – хриплым шепотом проговорил он. – Ты так прекрасна, что я не в силах больше ждать.

Странное дело – одни только эти слова, их смысл, действовали на меня возбуждающе. Было необыкновенно лестно сознавать, что именно я вызвала такое вожделение. Мои бедра он крепко прижимал к себе, порывисто лаская спину, ягодицы, нежные местечки на талии, но головой я в томном ожидании откинулась назад, подставляя ему грудь. Его пальцы лишь слегка потянули платье с плеч, и дальше оно легко поползло само. Быстро, жадно он прикоснулся губами к соску, я, чтобы теснее соединиться с ним, обхватила ногами его бедра, горько сожалея, что, вынужденный поддерживать меня руками за талию, он может ласкать меня только губами... Мои руки блаженно и судорожно гладили его плечи, шею, волосы, на ощупь я нашла пуговицы его рубашки и, расстегнув их, коснулась пальцами его горячей груди. Боже, как хорошо... От сосков, чьи алые кончики он так терпеливо, так настойчиво, так умело ласкал языком и губами, возбуждение быстрыми, горячими волнами разливалось по телу, достигло самых дальних глубин лона, и я вдруг почувствовала, что начинаю сочиться от желания, что без него внутри меня невыносимо пусто... Зачем он так медлит? Я даже застонала: до того мне стало страшно, что я кончу, прежде чем соединюсь с ним...

– Уже, – прошептала я, ощущая, что почти не в силах сдерживаться. – Ну пожалуйста!

В эту минуту я почти не соображала, разум полностью умолк, осталось только пронзительное, горячее желание наслаждения. Я была так близка к желаемому... Он лишь приподнял меня, я обхватила его за шею и распахнула ноги. Мы слились так быстро, как только это возможно, мы стали одним существом, мы оба почти в унисон шли к одному – к удовлетворению. Он проник в меня не резко, не разяще, а спокойно, плавно, постепенно; он словно наполнил терзающую меня пустоту... Я снова застонала, прикусив костяшки пальцев, готовая даже не стонать, а кричать. Ожидание наслаждения почти мучило меня сладкой болью.

Он то был во мне, то уходил и снова возвращался, насыщая меня, становясь все сильнее, все больше, проникая все глубже. Темп убыстрялся, но мне было достаточно лишь нескольких сильных глубоких толчков, чтобы кончить: будто все напряженные узы плоти разрешились во мне, вылившись в горячую, влажную, невыносимую симфонию наслаждения. Он еще продолжал; я, пребывая уже на пике, уже достигнув цели, чувствовала его движение внутри себя, и наслаждение все длилось, продляясь на одну, две, три, четыре секунды, я бессознательно и страстно сжимала ноги, словно стремилась сделать этот миг бесконечным. Но вот миновал и самый пронзительно-сладкий момент, и я, удовлетворенная, обессиленная, дрожащая и истомленная, почувствовала, как кончил мой любовник, как бурно излился в меня, проникнув в самые глубины.

Следующие секунды прошли словно в забытьи. После такого фонтана ощущений и чувств у меня словно исчезли все силы. «Невероятно, – подумала я даже как-то изумленно, – после стольких месяцев!.. После стольких месяцев это произошло!» Очнулась я тогда, когда он целовал меня: спокойно, медленно, благодарно. Я открыла глаза, увидела нас словно сбоку – затерявшихся в море, в шумящих волнах, в густом белом тумане... Надо же, какая романтика. Мои ноги бессильно опустились вниз, я оправила платье.

– Обожаю тебя, – прошептал он. – Мы с тобой даже дышим в унисон.

– Я заметила, – проговорила я, глядя на звезды.

– Пойдемте, – велел он.

Но вместо этого снова подхватил меня на руки, будто испытывал желание ни на миг не отпускать меня от себя.

– Женщина-ребенок, – сказал он, улыбаясь. – Знали бы вы, как это возбуждает: оболочка невинности, наивная улыбка, незащищенность, а под всем этим – буря чувственности...

Он толкнул дверь ногой, внес меня в просторную каюту, приспособленную под спальню, уложил на постель – я почувствовала, как сладко пахнут розой белые простыни и шелковые покрывала... Граф зажег ночник, и уютный голубоватый свет залил комнату. Огромные букеты роз в фарфоровых вазах роняли лепестки прямо на постель.

– Что же вы не улыбаетесь, моя прелесть? Улыбайтесь! После шести лет разлуки начало было вовсе не дурно!

Он сел рядом, склонился надо мной, мягко погладил волосы.

– Надо же... И это – мое творение, мой бриллиант! Я создал его, отшлифовал, заставил сиять всеми цветами радуги. Я был великолепным ювелиром. Но бриллиант не раз уж приводил меня в замешательство. Ученица покорила своего учителя.

– Не воображайте многого... Я вовсе не была вашей ученицей. У меня врожденный талант, принц...

В его глазах снова полыхнул огонек желания. Он принялся раздевать меня: откалывал булавки, ловко находил пуговицы и расстегивал их, быстро распустил шнуровку... Моя кожа отливала золотом при свете ночника. Граф зачарованно погладил мое плечо – гладкое, нежное, чуть смуглое, соблазнительно вынырнувшее из-под платья.

– Там, на палубе, я не мог этого толком разглядеть... Что за женщина, черт возьми! Будь я проклят, если мне хватит ночи!

Я прижала его руку к щеке, доверительно прошептала:

– А знаете, сегодня все было великолепно. Ничего не может быть лучше, Шарль. Вы самый необыкновенный мужчина на свете.

Он тихо рассмеялся, явно польщенный.

– Никогда еще такие красивые губки не произносили более приятных вещей. Надеюсь, мне позволено будет удивлять вас и дальше?

– Как?

– Доказывая, что моя необыкновенность безгранична.

Раздевшись, он лег рядом со мной, опираясь на локоть. Я прилегла лицом к его груди. С ним было так хорошо, так легко. Он обладал способностью устранять все заботы. Если бы еще не его легкомыслие! Наверняка в Шотландии я ему быстро надоем. И уже не будет кораблей, ужинов и роз... Уж таков этот граф д'Артуа – Дон Жуан, виконт де Вальмон, [Герой романа Шодерло де Лакло «Опасные связи», искушенный, жестокий, неотразимый развратник.] больше всего влюбленный в новизну, разнообразие.

– Ну, моя прелесть? Что за грустные мысли в такой час?

Я уже не удивлялась его способности безошибочно угадывать мое настроение. Видя, как я доверчиво прильнула к нему, он пока не спешил, слегка касаясь губами моего уха, завитка

волос, виска, где нежно голубела жилка... Я тяжело вздохнула, твердо решив не думать о плохом, и улыбнулась, поднимая на принца глаза...

Потом начались ласки. Везде, ничего не пропуская. Моя кожа теплела под его ласками так сладко, так многообещающе. Я с детства любила свое тело. Знала все секреты, все самые чувствительные места кожи, красоту которой ценила, не стыдясь этого самолюбования. А этот мужчина каким-то чудесным образом знал меня так же хорошо, как я сама, а может быть, и лучше.

Его губы прильнули к нежному алому соску правой груди, который напрягся под этим прикосновением от прилива горячей крови. Я подалась назад, откинулась на спину, ощутив на бедре то самое, могучее, налитое необыкновенной мощью.

Его пальцы были повсюду – на груди, бедрах, проникали в самое глубокое место между ногами, и от этого меня бросило в жар. У нас обоих кровь застучала в висках. Доселе я лишь понимала и молчала, но теперь, когда напряглись груди и лоно стало горячим, как пламя, мои пальцы погрузились в волосы Шарля, в беспамятстве я прижала его голову к груди, вскрикивая и задыхаясь под его ласками. Бедра выгнулись, томно задвигались. Я бы не могла этого сказать, но ясно чувствовала, что вместо пальца, который нежно возбуждал мое лоно, я бы предпочла кое-что другое, то горячее и сильное, что уже несколько раз с невероятным волнением чувствовала на своем теле. Я ответила на действия Шарля так страстно, что он понял меня.

Я сама развела ноги, чуть вздрагивающие от ожидания, и его сильные бедра легко улеглись между ними. Горячее дыхание коснулось моего лица; он, припав к моей груди, почему-то медлил, и тогда, содрогнувшись от сладкой истомы, я сама подалась ему навстречу.

Слияние было более длинным, чем в первый раз, но таким же бурным, со вздохами и вскриками. От одного оргазма меня словно океанской волной несло к другому, все получалось так легко, страстно, слаженно, Шарль был так умен и отзывчив, что, преисполненная благодарности к нему, радости и восторга, я прошептала, пребывая на вершине блаженства:

– Я люблю вас! Честное слово, люблю!

Он был неутомим. После четырех пленительных и неистовых соитий, после многократно пережитых мною невыносимых сладостных мук и высшего наслаждения, я изнемогла раньше, чем он. Мы не оставляли друг друга ни на минуту. Он шептал мне ласковые слова, говорил самые бесстыдные, но лестные вещи, и я, сначала краснея и только слушая, потом легко избавлялась от оков ложной стыдливости, совсем неуместной в эти минуты, и отвечала ему тем же, сама себе удивляясь. Этот человек был способен, казалось, добраться до самых моих глубин, открыть то, что и от меня было сокрыто.

Я была счастлива и не жалела ни об одной минуте, проведенной с ним.

8

Когда за окном забрезжил рассвет, серый-серый и туманный, я внезапно проснулась. Вряд ли я спала больше часа. А проснулась оттого, что подсознательно понимала: что-то очень непривычное есть для меня в том месте, где я сплю.

Было прохладно, я чуть замерзла. Шарль спал рядом, уткнувшись одной половиной лица в подушку. Вспомнив все, что было, я улыбнулась и, наклонившись, легко коснулась губами его щеки. Потом оглядела комнату.

Мое пурпурное платье было аккуратно разложено на диване. Но, кроме этого, сюда странным образом попало и мое черное дорожное платье. Я увидела свое белье, туфли, плащ. Мне было ясно: пока мы спали, кто-то позаботился о наших вещах. Вероятно, слуги. И они нас видели – спящих в одной постели.

Было слышно, как плещутся волны о борт корабля. Воздух был полон запахов моря, морской соли. Я осторожно поднялась. Потом, на цыпочках, чтобы не разбудить принца, побежала к своей одежде. Пора было собираться, часы показывали половину седьмого утра. Да и вообще, мне было крайне непривычно засыпать вместе с мужчиной в постели. Любовь любовью, но спать мне нравилось одной.

Я привыкла обходиться без горничных. Умывшись из поставленного в таз серебряного кувшина, я стала одеваться. Вечернее платье было мне ни к чему, я надела черное. И когда я, надевая туфли, уже думала о том, что надо разбудить принца, он вдруг сел на постели, глядя на меня, как мне показалось, с нескрываемым гневом.

– Что это значит? – спросил он холодно. Граф смотрел на меня так разгневанно и надменно, что я помимо своей воли немного испугалась. – Я вас спрашиваю, сударыня, что это значит?

– Это значит, – сказала я, выпрямляясь, – что мне уже пора.

– Вы собирались уйти, не сказав мне ни слова?

Я открыла рот, чтобы объяснить, что вовсе не собиралась так поступать, да и не могла бы, поскольку находилась на корабле, но не успела сказать ни слова. Он резко и гневно вскочил с постели, набросил на себя простыню подобно тоге римского патриция.

– Вы снова решили сбежать, оставив меня в дураках? Если бы я не проснулся, вы бы были уже далеко и сделали бы мне ручкой – да? Так это следует понимать? По-видимому, сударыня, вы не очень хорошо знаете меня, если полагаете, что снова буду терпеть то, что шесть лет назад вы сделали в Турине! Черт возьми! Мне такие номера вовсе не по вкусу!

Я поняла, чем вызван этот гнев, и заулыбалась. Мне захотелось подразнить принца.

– Не понимаю, – сказала я, – почему это я обязана вас предупреждать. Я свободная женщина и могу уйти тогда, когда мне пожелается.

– Черт побери, это просто возмутительно! Вы что, считаете меня идиотом? Я вчера вам сделал предложение, вы помните хотя бы это? Помните ваш ответ?

Меня забавляло то, что он воспринимает все это всерьез. Я подошла ближе, мягко зажала ему рот рукой. Потом, не давая ему прерывать меня, рассказала, как было дело в Турине. Рассказала о письме короля Виктора Амедея III, выставлявшего меня из страны. Потом нежно откинула со лба принца спутанные черные волосы, ласково поцеловала в губы.

– Успокойтесь, Шарль. Турин имел место сто лет назад. Мое слово теперь – крепче алмаза. Я никуда не убегу, с этой минуты вы обречены быть рядом со мной. Но в девять утра обычно просыпается Жан, и я должна быть рядом. Мне нужно на берег. И потом... прежде чем переехать к вам в Эдинбург, я должна вернуться в Сент-Элуа и кое-что там уладить.

Если предыдущие мои слова, как вода, потушили гнев графа, то последние действовали просто ошеломляюще.

– Вы сказали, что хотите сначала вернуться? – переспросил он недоверчиво.

– Да. Это необходимо.

– Это чушь. Я не желаю об этом даже слышать! – сказал он надменно.

Ко мне тоже вернулась твердость.

– Вы можете не слушать, монсеньор, но я все равно уеду. Я не могу вот так, сразу, отправиться в Шотландию.

– А, по-видимому, в Бретани вы зарыли сокровища и не можете их бросить!

– Мне не нравятся ваши насмешки. Что бы вы ни говорили, я не могу уехать сразу.

– Почему сразу? Вы останетесь со мной на Йе. Я намереваюсь пробыть здесь два месяца, а если дела с Шареттом пойдут хорошо, то и дольше.

– И этого я не могу сделать. Я должна уехать в Сент-Элуа. Если вам угодно, мы можем договориться о следующей встрече.

Он пришел в ярость.

– Ловкий маневр, моя прелесть! Вы пытаетесь набить себе цену, не желаете сдаваться так легко, хотите, чтобы я упрашивал вас?! Уж не ошибся ли я в вас, моя дорогая?

Я возмутилась.

– Это вам судить о ваших ошибках, сударь. Хочу лишь напомнить вам, что я пока ни о чем вас не просила. Мне надо уехать в Сент-Элуа, но я обещаю вернуться, как только все улажу, – вам этого мало?

– Что вы уладите? Какие там могут быть дела?

– Сейчас как раз уборка урожая, если только вам известно, что это такое! – воскликнула я гневно. – Земля оставлена на попечение слуг. Я должна вернуться, чтобы за всем проследить. Потом урожай надо продать. Я не намерена терять или бросать то, ради чего трудилась восемь месяцев.

– Вы лжете! Ни за что не поверю, что какой-то там урожай или еще что-то не позволяют вам побыть со мной на острове! Может быть, вы еще скажете, что ваши овощи заставляют вас уехать именно сегодня утром?!

– Овощи – еще не главная причина.

Он так пристал ко мне с расспросами, что я, собравшись с духом, решила сразу все выложить. Мне плевать, как он к этому отнесется! Зачем откладывать, если ему все равно суждено обо всем узнать?

– В Сент-Элуа у меня две дочери, две маленькие девочки, которым нет еще и года. Я не могу расставаться с ними надолго. И тем более не могу бросить, сразу уехав с вами в Шотландию!

Он смотрел на меня так, словно я говорила какие-то совершенно ужасные вещи. Потом отступил на шаг и, так ничего и не ответив, взялся за шнурок звонка.

– Мне надо подумать, – сказал он резко.

На зов принца явился камердинер, который обычно помогал ему одеваться. Граф д'Артуа приказал подать кофе в спальню. Я, оставив его наедине с лакеем, вышла на палубу. Было совсем рано, но туман, клубившийся всю ночь, уже начинал рассеиваться. Море успокоилось и казалось почти гладким. Солнца не было видно, но мне показалось, что день будет теплее и яснее, чем предыдущий.

Был как раз тот утренний час, когда все вокруг только просыпается. Воздух еще удивительно свеж, не наполнен обычными дневными запахами, которые только начинают оживать. Ветер, прохладный, но приятный, ласково шевелил мои распущенные волосы. Наклонясь над бортом, я смотрела на серо-стальную воду, плескавшуюся внизу. О чем мне было думать? Ночь, проведенная на «Звезде морей», была прекрасна, и это утешило бы меня, если бы граф д'Артуа, узнав о моих дочках, решил отказаться от своего предложения.

Лакей с переброшенной через руку салфеткой подошел ко мне и поклонился.

– Монсеньор просит вас пожаловать в каюту, ваше сиятельство.

Итак, ожидалось продолжение разговора. Я вернулась в спальню. Граф д'Артуа, причесанный и надушенный, в халате из китайского шелка, перехваченном поясом, и домашних туфлях, уже сидел за столом, сервированным для завтрака. Взгляд, которым он окинул меня, был мрачен. Я села. Принц явно ждал, пока лакей нальет мне кофе и удалится.

– Вы меня поразили, моя милая, – сказал наконец граф д'Артуа с тяжелой усмешкой. – Вы это умеете. От кого же эти дети?

– От революции, – сказала я холодно, давно приготовившись к этому вопросу.

– Ну-с, и что это за любовник?

– Отвратительный, – проговорила я сквозь зубы.

Не мог же граф полагать, что я сейчас выложу все ему начистоту.

– Если отвратительный, что ж это вы так обожаете своих детей? Кстати, как я полагаю, это близнецы? Не можете оставить их и на неделю – Боже, как трогательно!

– Я их люблю, потому что они мои. И не могу оставить, в этом вы совершенно правы. Своего сына я слишком часто оставляла. Больше этой ошибки я не повторю.

Он раздраженно отбросил салфетку.

– Моя дорогая, иногда ваше упрямство выводит меня из себя. Вы что, склонны считать, что даже недель не можете пожертвовать ради того, чтобы побыть со мной?

– Принц, – сказала я, – сейчас я сообщу вам нечто такое, чего никто во мне не сможет изменить. Для меня ни один любовник на свете не стоит моих детей. Никто с ними не сравнится. Я всем пожертвую ради детей, но не наоборот. Такова уж я, ваше высочество. Ваша воля – принимать меня такой или не принимать. Что угодно во мне может измениться, только не это.

– М-да... И вы решительно не намерены остаться?

– С детьми – останусь навсегда.

– Ну а кто же отец этих отпрысков, вы скажете?

– Никогда не скажу.

Он усмехнулся, глядя на меня.

– Вчера вы не высказали мне никаких условий. Что ж, как мне это ни неприятно, я согласен признать, что право на вашей стороне.

– Да, принц, ведь вы сами спрашивали меня об условиях.

– И стало быть, этот ваш временный отъезд и дети – условие.

Наклонившись через стол ко мне, он вполголоса произнес:

– Я принимаю его. Если... если только эти ваши дети не будут слишком мне докучать.

Я облегченно вздохнула. Как я ни старалась держаться холодно и равнодушно, минувшая ночь пробудила во мне массу воспоминаний. Что плохого, если я всегда буду жить в таком волшебном мире, снова попаду в сказку, почти равную версальской? Я уже и сама страстно хотела уехать в Шотландию. В Эдинбург, где у меня будет своя вилла. Слуги. Розы в саду. И вид с террасы на море.

– Когда вы сможете уладить эти ваши проклятые дела?

Я подумала и сказала, что, вероятно, к концу августа.

– Итак, именно на это время мы назначим встречу.

Я видела, что принц примирился с тем, что только что узнал. Гораздо труднее ему было примириться не с моими дочками, а с моим отъездом. Очевидно, он давно спланировал провести со мной много времени, а не какую-то жалкую ночь. Но, как говорила Нинон де Ланкло, [Нинон де Ланкло – знаменитая куртизанка XVII века.] часы желаний не всегда быют в одно и то же время.

Он изложил мне свой план. В конце августа он пришлет за мной человека – уже не отца Медара, а еще более надежного, который сможет в Карнакской бухте посадить меня на английский корабль. Этот человек ловок, отважен и находчив, граф доверяет ему, как никому дру-

гому. Эмиссар принца привезет мне также и денег, крупную сумму, которую сейчас собрать трудно; деньги будут предназначены для того, чтобы после моего отъезда дела в Сент-Элуа – родовом замке Жана – шли хорошо. На эти деньги можно будет даже его отстроить. Я оставляю соответствующие распоряжения, а потом вместе с детьми и прислугой, какую мне угодно будет взять с собой, сяду на корабль и уеду прямо в Шотландию. Уехать будет нетрудно, так как на море господствует Англия, покровительствующая графу д'Артуа. В начале сентября я буду уже в Эдинбурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.